ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК РКП (б) ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и РКП (б)

НОВАЯ ЖИЗНЬ

ПЕРВАЯ ЛЕГАЛЬНАЯ С.-Д. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ГАЗЕТА

27 ОКТЯБРЯ — 3 ДЕКАБРЯ
1905 ГОДА

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
М. ОЛЬМИНСКОГО

И СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМИ СТАТЬЯМИ
Л. КРАСИНА, М. ЛИТВИНОВА,
ИС. ГУКОВСКОГО и Е. СМИТТЕН

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

№№ 1—7

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ"
ЛЕНИНГРАД — 1925

Ленинградский Гублит № 2059. Тираж 10.130 — 13 л. Заказ № 510.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.

В настоящее издание входит социал-демократическая газета „Новая Жизнь“, издававшаяся в Петербурге (так назывался тогда Ленинград) в так называемые „дни свободы“, после октябрьской всеобщей забастовки, когда растерявшееся самодержавное правительство пошло на лицемерные уступки, возвещенные царским манифестом 30 (17) октября.

В короткие „дни свободы“ выходили: большевистская газета „Новая Жизнь“ и меньшевистская — „Начало“. Между обеими фракциями назревало об'единение, что нашло себе выражение в статье П. Румянцева „«Большинство» и «меньшинство»“ в № 1 „Новой Жизни“ и в отсутствии открытой полемики между обеими газетами.

После закрытия этих газет правительством, были попытки поставить газету под общей редакцией большевиков и меньшевиков: вышли „Северный Голос“, закрытый правительством на третьем номере, и „Наш Голос“, закрытый с первого же номера. Нужно заметить, что эти „об'единенные“ газеты носили довольно явственный меньшевистский оттенок, так как большевики были отвлечены конференцией, происходившей в Финляндии.

* * *

Газета „Новая Жизнь“ выходила с 9 ноября (27 октября по ст. стилю) по 16 декабря (3 декабря по ст. стилю) 1905 г. Всего вышло 28 номеров.

С 21 номера газета начала выходить под заголовком: „Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия“ и под лозунгом: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Настоящее издание выходит со следующими изменениями старого текста:

1) На газете обозначались числа по старому стилю; в настоящем издании добавлен и новый стиль.

2) Во избежание повторений, полный текст заголовка перепечатывается только в № 1 газеты. Условия подписки и приема рукописей к напечатанию, плата за об'явления, адрес конторы и редакции и время приема в них — во всех остальных №№ опускаются. Также опускается об'явление о выходе газеты ежедневно, кроме послепраздничных дней.

3) Дата указывается только в заголовке газеты.

4) Извещение: „В этом № 6 страниц“, находящееся под заголовком 5, 6, 9, 11, 12, 19 и 26 №№ газеты, в настоящем издании не приводится.

5) Об'явление об открытии подписки на „Новую Жизнь“, перечень сотрудников газеты, адрес главной конторы и отделений, встречающиеся почти в каждом номере, сохраняются только в первом номере.

6) Список сотрудников „Новой Жизни“, приведенный в № 1, постепенно увеличивался. С № 5 начали печататься имена: А. Гальперин, О. Дымов, Л. Ландеберг, М. Лядов; из иностранцев: Г. Гроссман [1]), К. Каутский, К. Либкнехт, Р. Люксембург; № 6 — Поседов (Польша); № 10 — Юр. Каменев; № 12 — из иностранцев: Брак, Ж. Гед, Марсель Кашен, П. Лафарг; № 15 — из иностранцев: П. Луи, Рессель; № 18 — Алексинский, Алексеев, Волгин, Галерка, Линдов, Орловский, Рядовой, Самойлов.

С № 21 выбывает из списка сотрудников Л. Львов.

7) С № 18 об'явление о приеме подписки на „Новую Жизнь“ и перечень адресов старых и вновь открытых отделений, где принималась подписка, было дополнено:

„Подписка принимается с первого числа каждого месяца. На один месяц с пересылкой и доставкой за границу 1 р. 75 к. Наложенным платежем и в кредит газета не высылается. Отделения конторы и агентства: 1) Москва, дом Баженова, № 24, кв. 11; 2) Киев, д. М. Г. Виленского, Благовещенская, 30; 3) Одесса, у пом. прис. пов. Штильмана, Театральный, 15; 4) Харьков, у Александра Николаевича Грамматикова; 5) Рига, С. Файман, Мариинская, 18; 6) Вильна, Э. Голомб, Садовая, 7; 7) Казань, ред. „Волжского Листка“; 8) Лодзь, Дзельная, 7, представительство „Просвещение“; 9) Отделение в Екатеринославе, у Каплана, Упорная, 9.

За границей принимается подписка и продаются отдельные №№ в *Agence de la Presse Russe*: Париж, 11, *Avenue de l'Opéra*. Берлин, 101, *Friedrichstrasse*. Лондон, 77, *Lower Thames Street*. Е. С. Ницца, 13, *Promenade des Anglais*.

8) Об'явления о вечерах, концертах, спектаклях и лекциях в настоящее издание не вошли. Об'явления эти следующие: в № 4 — концерт в пользу семейств рабочих, пострадавших от забастовок; № 8 — спектакль в пользу рабочих, пострадавших от забастовок; № 12 — концерт в пользу семейств, пострадавших от забастовок; № 13 —

[1]) С 5-го по 11 номер включительно Г. Гроссман числится в списке иностранных сотрудников, а уже с № 12 в списке русских сотрудников.

вечер в пользу политических амнистированных, устроенный комиссией по амнистии, избранной Союзом союзов и Обществом помощи политическим ссыльным и заключенным; № 19 — концерт в пользу семейств рабочих, пострадавших от забастовок; № 21 — спектакль в пользу освобожденных борцов за свободу; № 22 — концерт с благотворительной целью; № 23 — концерт в пользу пострадавших от стачек рабочих.

О лекциях: в № 6 — „О профессиональных рабочих союзах"; в № 17 — прис. пов. М. С. Маргулиеса „Тактика женщин в борьбе за достижение политического равноправия" (в пользу амнистированных); о серии лекций: „Общественно-политические течения и задачи современности, с точки зрения народно-социалистического направления" и о лекции В. М. Викторова: „Аграрная программа социал-демократии"; в № 26 — о первых двух лекциях проф. Рейснера (Реуса) „О политических партиях в Германии".

9) Одно и то же об'явление, напечатанное во многих номерах газеты под-ряд, в настоящем издании сохранено только в том № газеты, где оно впервые напечатано, а именно: в № 4 — о выходе газеты „Начало"; № 12 — от рабочих Товарищества механического производства обуви; № 13 — от Федеративного Совета Петерб. Комит. и Петерб. Группы Р.С.-Д.Р.П.; № 20 — о выходе газеты „Еврейский Рабочий"; № 21 — о выходе газеты „Борьба"; № 22 — от комиссии о безработных; № 27 — о созыве IV с'езда Р.С.-Д.Р.П.

10) Совсем опущены: биржевой отдел, об'явления коммерческого характера, об'явления о спросе и предложении труда.

11) Адрес типографии приводится только в № 1 газеты.

В оглавление вошли только названия статей и отделов. В конце издания будут приложены предметный и именной указатели *).

Всю работу по подготовке газеты для настоящего издания выполнила, под моим наблюдением, научная сотрудница Истпарта А. Казовская.

М. Ольминский.

*) Все ошибки, имевшиеся в подлиннике, за исключением орфографических и мелких опечаток, сохранены и в настоящем издании.

Ред.

Как возникла „Новая Жизнь".

Расстрелы 22 (9) января 1905 года послужили началом под'ема революционного движения по всей стране. Протесты студенчества и различных общественных организаций, увеличивающееся количество стачек рабочих, уличные демонстрации, столкновения с жандармами, полицией и войсками, террористические акты, отдельные попытки восстаний против помещиков и царских чиновников, — все это давало картину нарастающего всенародного „бунта". И всякому сколько-нибудь проницательному наблюдателю было ясно, что страна на всех парах идет к революции.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия, разумеется, также учитывала в лице обоих ее крыльев надвигающееся событие и проделывала болезненный, но необходимый и благодетельный процесс внутреннего преобразования, выразившийся в резком разделении двух крыльев — большевистского и меньшевистского.

Агитация Ленина за партийный с'езд нашла свое завершение в созыве в Лондоне третьего с'езда партии, который был первым с'ездом отделившейся от меньшевиков большевистской партии. На этом с'езде вполне ясно и отчетливо были формулированы основы большевистской тактики по всем главнейшим вопросам и, в частности, поставлен и разрешен вопрос о народном восстании, о временном революционном правительстве, — все вопросы, определявшие на много лет тактику большевистской партии и способствовавшие ее славной Октябрьской победе в 1917 году.

На третьем с'езде был избран Центральный Комитет и Центральный Орган Партии. Технически-организационное ядро Центрального Комитета было послано в Петербург для налаживания работы во всероссийском масштабе. Тов. Ленин, как редактор Центрального Органа, с другими товарищами-литераторами до поры до времени оставался в Женеве и руководил оттуда политической работой Центрального Комитета.

В Петербурге с лета 1905 года в качестве постоянного бюро Центрального Комитета пришлось работать пишущему эти строки (под кличкой „Никитич"), тт. П. П. Румянцеву и А. А. Богданову („Рядовому"). Все увеличивающийся под'ем общего возмущения против царского режима, в связи с выступлениями народных масс и все более и более смелыми выступлениями печати, поставил на очередь и для нашей Партии вопрос, если не о выходе из подполья (особыми иллюзиями на-счет „весны" большевики никогда не отличались), то, по крайней мере, о подготовке своей собственной легальной газеты, которая при первой к тому возможности, по крайней мере, могла бы осведомлять Партию о всех событиях, организовывать и об'единять силы и вовлекать в движение широкие массы.

Так как другие товарищи - цекисты, находившиеся на работе в самой России, были заняты постоянными раз'ездами или сидели в областных центрах, то вся подготовительная работа пала на нас троих.

К тому времени наша Партия имела уже довольно хорошо налаженные финансовые и технические связи, располагала довольно широким кругом сочувствующих в различных слоях общества и среди оппозиционной буржуазии, и, опираясь главным образом на эти связи, мы приступили к организации большой большевистской легальной газеты.

Ближайшими помощниками нашими в этом деле были А. М. Горький и М. Ф. Андреева, через посредство которых удалось связаться с рядом необходимых для предприятия лиц. Первая задача была в том, чтобы найти таких лиц, в распоряжении которых имелось разрешение на издание газеты. В то время получить такое разрешение было очень трудно, так как основным условием являлась „благонадежность". А чем благонадежнее был редактор, тем, конечно, труднее было склонить его на совместную с нами работу, тем труднее было обеспечить нашим собственным

партийным редакторам возможность сделаться действительными хозяевами и распорядителями газеты. Помимо идейных разногласий здесь играло роль еще и то весьма реальное обстоятельство, что за каждую резкую или неугодную цензуре статью и даже просто за „направление" газеты ответственный ее редактор весьма легко мог очутиться в тюрьме или в ссылке без суда, распоряжением административной власти.

После долгих поисков и безуспешных попыток получить разрешение на имя какого-либо из наших товарищей или близких нам друзей из разночинской братии (адвокатов, врачей и т. д.), дававших нам явки и прибежище нашим нелегальным товарищам, мы наткнулись на литератора и поэта Н. М. Минского. Он имел разрешение на издание газеты и по своему умонастроению в то время был склонен пойти на такое довольно рискованное предприятие, как совместное издание газеты с весьма мало известной ему группой каких-то социал-демократов, рекомендованных ему Горьким. П. П. Румянцев, правда, пользовался некоторой известностью по своим работам в земской статистике, а А. А. Богданов уже тогда был известен в легальной печати как экономист.

С большим трудом, после ряда размолвок, грозивших сорвать все дело, удалось кое-как сколотить редакцию с привлечением А. М. Горького, Н. М. Минского, З. Венгеровой, Тэффи, Габриловича (Галича) и, с нашей стороны, Ленина, Воровского, Ольминского, Румянцева, Богданова и Красина. Компания получилась пестрая, — и когда теперь я смотрю на пожелтевшие листы „Новой Жизни", где в числе сотрудников, на-ряду с Н. Лениным, Луначарским, Лядовым, Покровским, Ольминским, Гольденбергом, Каменевым, красуются не только имена отошедших от нас впоследствии в процессе дальнейшего развития революции, марксистов [1]), но и имена таких реакционеров и белогвардейцев, как Чириков или Бунин, трудно удержаться от улыбки перед этой своеобразной гримасой жизни. Как бы то ни было, господа Бунины, Бальмонты, Чириковы повинны в участии в первой большой легальной большевистской газете и таким образом внесли, сами того в то время не подозревая, свою лепту и в подготовку великого Октября.

К финансированию нами был привлечен известный в то время беллетрист Н. Гарин, который тогда сочувствовал нашей Партии и дал некоторые суммы на постановку газеты.

Организовать такую газету в то время — особенно если принять во внимание наши в общем жалкие средства — было не так-то просто. Типографии с ротационными машинами имелись лишь у богатых газет. Первое, о чем пришлось думать, это — о покупке собственной ротационной машины. При посредстве некоего комиссионера Гольдберга нам удалось найти подержанную ротационную машину фирмы Кениг, — и начало собственной типографии было этим заложено. Надо было думать, однако, и о том, как легализовать довольно значительную торговую и хозяйственную работу в связи с изданием газеты, тем более, что у нас в то же время были и другие издательские планы, вплоть до издания популярной литературы, листовок, а в известный момент — и просто прокламаций и воззваний. Решили создать особую издательскую фирму (товарищество) под названием „Дело", причем в качестве ответственных пайщиков пришлось приглашать лиц, обладающих полной легальностью и известным „общественным" положением, которые обеспечивали бы получение разрешения (требовалось разрешение и на это), и в то же время таких, которым не только можно было бы доверить деньги, но которые не были бы на нас в особой претензии, если бы довелось в связи с нашими изданиями и другими коммерческими начинаниями и посидеть немного в тюрьме.

Издательницей нашей газеты мы назначили М. Ф. Андрееву, а товарищество „Дело" было организовано в составе М. И. Бруснева (отбывшего к тому времени 5 лет „Крестов" и 8 лет ссылки в Верхоянске, основателя первых социал-демократических кружков в Петербурге), С. Б. Красиной-Лушниковой и М. И. Мухиной, владелицы меблированных комнат на Мойке, сочувствовавшей почему-то большевикам. На углу Фонтанки и Гороховой, в только что отстроившемся новом доме, мы наняли помещение для типографии и начали устанавливать машину.

Чтобы не задерживать печатания газеты, мы вошли в соглашение с типографией „Народная Польза", в которой и напечатаны были все номера „Новой Жизни".

Большую трудность представляло снабжение газеты бумагой при малом коммерческом опыте тогдашних партийных организаций и деятелей; кое-как удалось наладить получение бумаги в кредит, без чего молодая газета не могла встать на ноги. Такую же трудность представляла для нас тогда организация об'явлений, рассылка газеты по провинции и постановка розницы в самом Питере и в Москве.

Приготовление к изданию газеты, отыскание квартиры (на Невском 68, около Аничкова моста), организация редакции, установление связи с заграницей и с провинциальными корреспондентами, — все это требовало значительного времени. И мы не успели выпустить первого номера газеты, как уже грянула всеобщая забастовка, и революция 1905 г. официально была подтверждена царским манифестом.

18 октября народные массы Петербурга с красными флагами заполнили улицы и приветствовали свободу. Царское правительство, одной рукой вывешивая манифест о свободах, другой организует черносотенцев и хулиганов и высылает против толп, заполняющих улицы, войска и казаков. Трепов издает приказ не жалеть патронов. Об'является амнистия. Печать на некоторое время получает фактическую свободу. Центральный Комитет и местные комитеты нашей Партии используют положение, раз'ясняют массам непрочность дарованных царем свобод [1]), призывают использовать открывшиеся возможности для усиления агитации, пропаганды и организации народных масс и в первую очередь — рабочих. Раз'ясняют необходимость готовиться к вооруженной борьбе, создавать боевые дружины, заготовлять оружие, завязывать связи в войсках.

Можно себе представить, с какой лихорадочной поспешностью наша группа закончила предварительную работу, чтобы как можно скорее выпустить газету, необходимость которой стала в сто раз более настоятельной.

[1]) Как Румянцев или Богданов.

[1]) См. листок Ц.К. от 18 октября, приложенный к настоящему изданию.

Первый номер „Новой Жизни" появился в четверг, 9 ноября (27 октября по старому стилю). В редакцию, как сказано выше, кроме буржуазных литераторов, вошли со стороны нашей Партии товарищи: Ленин, Румянцев, Богданов, Красин.

Фактическое участие тов. Ленина в „Новой Жизни" началось еще до приезда его в Россию, но вплотную в работу он вошел только по приезде в Петербург.

Только те из старых товарищей, которые по своему собственному опыту знают, с какими огромными чисто техническими трудностями была связана нелегальная партийная работа в дореволюционное время, поймут, каким громадным приобретением для нашей Партии и для всего дела революции была эта первая большая, легальная партийная газета. Мы впервые получили возможность с широкой всенародной арены обращаться к рабочему классу и к крестьянам. Уже не в листках, передаваемых из рук в руки, не в истрепанных номерах заграничных газет, проникших конспиративно в Россию, а в ежедневных номерах столичной легальной газеты мы открыто могли давать массам лозунги, учить рабочих и крестьян организовываться, подготовлять дальнейшее сопротивление, готовиться к восстанию. Разумеется, всем нам было известно, что свобода печати не гарантирована ничем, и поэтому во всякий момент мы должны были опасаться дальнейших урезываний прав нашей газеты. Тем интенсивнее нужно было использовать те дни, во время которых газета фактически выходила без особых стеснений.

Владимир Ильич был главным редактором, и все политические директивы вырабатывались в первую очередь им. Он использовал газету и для непосредственной организации нашей Партии. Так, в № 13 газеты от 15 ноября находим его статью об организации Партии, где он с полной определенностью указывает те пути, которыми прошло развитие нашей Партии.

Отмечу здесь практическое значение „Новой Жизни" и ее редакции и контор, а также типографии, как центров, около которых группировалась партийная работа. В дореволюционное время нелегальному революционеру для того, чтобы получить возможность повидать своих товарищей в городе, куда он только что приехал, приходилось тратить часы и дни на хождение по явкам с паролями, с десятками всяких предосторожностей. С открытием контор и редакций газеты эти учреждения превратились в явочные пункты для всех товарищей, являвшихся в Питер по партийным делам. И в редакции и в конторе была, как говорится, „нетолченая труба" всякой партийной публики. Придя туда, вы могли видеть в уголку Надежду Константиновну Крупскую с ее неизменными записочками и бумажками, окруженную толпой приезжих, которые получали от нее адреса, справки, явки, указания и т. д. В других углах той же комнаты вы встречали товарищей с Кавказа, из Сибири, из Иваново-Вознесенского района, приехавших за литературой, за партийными директивами, привезших корреспонденцию или явившихся за получением шифра, материалов для провинциальных типографий и т. д.

В первое время после выхода газеты партийные явки в стенах ее контор действовали легально. По мере того, как революция шла на убыль, конечно, эта сторона деятельности газеты начала увядать. В интересах самосохранения, мы постепенно прекращали доступ широкой партийной публики в помещение газеты, подыскивая другие центры и в особенности широко используя создавшиеся к тому времени связи на фабриках и заводах.

Наша большевистская Партия с самого начала „свобод" не особенно увлекалась ими, и наступившая реакция не застала нас врасплох: мы не растеряли накопленных в подполье конспиративных навыков. Увлечение свободами, если и было, то разве только в области типографской. Мы не только устроили типографию для большой газеты и арендовали большую типографию на Ивановской улице, но и перевели на легальное положение знаменитую подпольную типографию из Баку. За это пришлось поплатиться, так как при арестах и разгроме всех революционных организаций нам пришлось лишиться довольно ценного имущества.

Л. Красин.

Страничка воспоминаний.

В начале ноября (по старому стилю — конце октября) 1905 года я неожиданно получил от Л. Б. Красина предложение заняться постановкой легальной социал-демократической газеты „Новая Жизнь". Незадолго перед этим я приехал из Риги в Петербург для подпольной работы. Проживал я там по паспорту инженера Людвига Вильгельмовича Ница, ибо к октябрьской амнистии я отнесся с большевистским недоверием. Не было также уверенности в том, что все мое прошлое покрывается амнистией, так как охранка обвиняла меня в насилии над часовым при побеге из киевской тюрьмы. Нелегальный подпольщик в роли фактического издателя большой ежедневной газеты — положение, не лишенное пикантности. В прошлом я имел отношение к подпольным печатным станкам, заведывал также экспедицией и типографией „Искры" в Женеве. Соблазнительно было приложить руку к делу постановки первого легального социал-демократического органа, и я предложение Красина принял. То же предложение было за несколько дней до этого сделано И. Э. Гуковскому; но дело у него как-то не клеилось, поэтому решено было его назначить секретарем редакции, а административно-издательскую часть поручить мне.

Хлопоты о даче разрешения на издание газеты потребовали бы слишком много времени, а поэтому решено было воспользоваться разрешением, имевшимся у поэта Минского, который, таким образом, должен был фигурировать в качестве ответственного редактора. Нужно было также легальное лицо в роли официального издателя газеты — и таковым была намечена М. Ф. Андреева. Финансовые заботы взял на себя М. Горький.

Я немедленно отправился в Москву для обсуждения ряда финансовых вопросов с Горьким, а также для получения доверенности от Андреевой. Вернувшись из Москвы 8 ноября (26 октября), я получил задание выпустить

первый номер газеты на следующий же день. Было заключено временное соглашение с типографией „Народная Польза" на Коломенской; помещение для конторы было снято на Невском; но ни мебели, ни штата служащих, ни экспедиции, ничего решительно не было подготовлено. Пришлось наскоро купить мебель, привлечь из районов основной кадр сотрудников, а экспедицию поручить партийному переплетчику Каплану, который, к сожалению, взялся за это дело, не справившись со своими силами и знаниями.

Фактическим первым редактором был назначен П. П. Румянцев, а заведующими отделами — внутренним, иностранным, хроники и т. д. — Б. Авилов, Л. Габрилович (Галич), В. Ксандров, К. Платонов, Тэффи и др. Администрация была составлена из Л. Б. Красина, Гуковского и меня.

Петербургскими рабочими и широкой публикой выход первого номера первой легальной социал-демократической газеты ожидался с нетерпением. Это нетерпение еще увеличилось, когда стало известно, что с первым номером будет разослано бесплатное приложение — программа Партии. С раннего утра контора на Невском стала осаждаться народом. Типография работала чрезвычайно медленно и за ночь успела выпустить всего около 15.000 экземпляров, которые были буквально вырваны из рук курьеров при доставке их в контору. Печатание пришлось продолжать в течение всего дня и экземпляры раздавать по мере поступления их в контору.

Об организации продажи газеты через разносчиков в этой суматохе не могло быть и речи, и рабочим из районов приходилось посылать на Невский своих уполномоченных для получения газеты. То же повторилось и в следующие дни. Типография оказалась не в состоянии удовлетворить спрос. Экспедиция не была еще налажена, и подписчики из провинции, за исключением Москвы, первых номеров газеты не получали. Подписка поступала в контору ежедневно тысячами. Почтовые переводы доставлялись корзинами. Из провинции посылались телеграфно горячие мольбы о высылке газеты. Не зная подписной цены, многие подписчики посылали сотни рублей по телеграфу, умоляя высылать газету по любой цене.

В конторе работала преимущественно партийная публика, с техникой газетного дела не знакомая, и коэффициент полезного действия был не очень высок. Больше всего приходилось страдать от неумелости экспедитора. Самому мне приходилось работать по 20, а иногда по 24 часа в сутки. В течение 10 дней удалось, однако, связаться с новой добавочной типографией, наладить аппарат экспедиции, привлекши к этому делу опытных людей, пересортировать сотрудников в конторе, уплотнив их приглашенными из других газет спецами, выработать договоры с артелями по разноске газет, зарегистрировать газету на почтамте, организовать сеть специальных разносчиков для рабочих районов и сдать в аренду газетные об'явления.

Аппарат продолжал еще некоторое время работать с перебоями. Выпуск газеты часто запаздывал к отходу почты вследствие того, что приходилось печатать в двух типографиях — наружный лист в одной, а внутренний в другой, — и вследствие того, что ни контора, ни экспедиция не могли справиться с все увеличивавшимся спросом на газету. Чинил препятствия и почтамт, вследствие чего на вокзалах днями оставались неотправленными тюки газеты. Жаловались подписчики, что почтовые чиновники и почтальоны вынимали газету из бандероли для собственного чтения.

В провинции составлялись кружки для коллективной выписки „Новой Жизни". Наживались спекулянты, доводившие цену отдельного номера в провинции до одного рубля и выше. Через месяц, однако, почти все дефекты были устранены, и аппарат стал работать настолько нормально, что, когда в Петербурге было созвано совещание всех администраторов ежедневных газет для выработки общих мер борьбы с почтамтом, полицейскими властями и спекулянтскими газетными артелями, я был выбран постоянным председателем этого совещания. Это означало известную дань уважения к постановке нашей газеты.

Оборотный капитал газеты составляли те 15.000 рублей, которые я получил вначале от М. Горького. Эта сумма ушла на первоначальное оборудование газеты, и в дальнейшем газета полностью окупалась подпиской и об'явлениями. Отдел об'явлений был сдан конторе Метцль, если не ошибаюсь, за 3 — 4 тысячи в месяц, при чем мы оставили за собой право на бесплатное печатание партийных об'явлений. Некоторую финансовую поддержку оказывали писатель Чириков и артистка Яворская ежедневными отчислениями от ставившейся последней пьесы Чирикова (кажется, „Евреи"). Такую же поддержку оказывала и Комиссаржевская. Но и без этой поддержки газета не только могла бы существовать, но и приносить Партии крупный доход, несмотря на сравнительно высокие оклады, которые получали буржуазные редактора и сотрудники газеты.

Газета вскоре стала центром партийной жизни в Петербурге. В конторе устраивались партийные совещания, собрания, свидания, явки и пр. Становилось тесновато, и пришлось выселить редакцию в другое помещение, снятое на Троицкой улице.

В контору часто приходили рабочие, крестьяне, обыватели с устными жалобами на притеснения начальства. Являлись чиновники, офицеры и даже полицейские — каяться и исповедываться в своих прошлых грехах и заверять в своих симпатиях к социал-демократии. Между прочим, о предполагавшемся окружении и задержании Петербургского Совета Рабочих Депутатов я получил с утра предупреждение лично от гвардейского офицера, явившегося в контору газеты.

Приезд в Петербург Ленина сразу внес большие изменения в составе редакции. Владимир Ильич не мог мириться с тем влиянием, которое пыталась проводить в газете группа Минского, пользуясь своим формальным правом собственности на газету. Владимир Ильич поставил вопрос ребром, и редакция целиком перешла в руки Ц. К. Владимир Ильич с тех пор принимал самое деятельное участие в газете, и частенько я видал его во втором и в третьем часу ночи в типографии, просматривающим последние корректуры своих статей.

После напечатания „Манифеста" (см. № 27 газеты) газета была закрыта. Распоряжение полиции было получено в типографии поздно ночью, и по соглашению с наборщиками и печатниками мы решили выпустить

последний номер, вопреки запрещению. Администрация типографии запротестовала, и ее пришлось заарестовать, заперев на всю ночь в одной из комнат типографии. Отпечатанный номер газеты был отправлен не в экспедицию, а непосредственно в районы через вызванных оттуда партийных работников. Утром полиция должна была констатировать успешное распространение запрещенного номера.

Контора на Невском продолжала еще работать некоторое время для ликвидации дел. Когда я явился раз в контору, швейцар шепнул мне на ухо, что меня желал видеть какой-то сыщик. На мой вопрос, что сыщику угодно от меня, швейцар ответил, что он хотел справиться, работают ли у нас в качестве сотрудников лица, отмеченные им в оставленной швейцару записке. Взглянув на записку, я прочитал свою настоящую фамилию, настоящую фамилию нелегальной сотрудницы „Мышь" (Лалаянц), а также фамилию моего секретаря, Е. Г. Смиттен. — Охранке, повидимому, до самого конца не удалось расшифровать меня, и она собиралась у меня же справляться обо мне самом. Я решил не испытывать больше судьбу и, велев швейцару направить сыщика ко мне, если он явится, отправился в свой кабинет, собрал все необходимые бумаги и черным ходом вышел на улицу, чтобы больше в этом здании не появляться. Через несколько дней я покинул Петербург, получив от Ц. К. новое назначение. Из газет я потом узнал, что в конторе через несколько дней был произведен обыск, при чем было будто бы обнаружено оружие. Было возбуждено дело в суде, против М. Ф. Андреевой, Гуковского и меня. Если не ошибаюсь, на суде фигурировали Андреева и Гуковский, а в отношении меня дело было отложено.

М. Литвинов.

Москва.
25 ноября 1924 г.

Из воспоминаний И. Э. Гуковского.

В Петербург я прибыл в сентябре 1905 г., когда всеобщее забастовочное движение уже началось. В это время предполагалось сделать попытку издавать легальную марксистскую газету. Разрешение на газету под названием „Новая Жизнь" уже было получено. Официальной издательницей числилась М. Ф. Андреева, а официальным редактором — поэт Минский. В редакцию, кроме Минского и связанных с ним Галича и Тэффи, в то время также изображавших из себя марксистов или марксиствующих, должны были войти П. П. Румянцев, А. А. Богданов (Малиновский) и Л. Б. Каменев; в качестве сотрудников предполагалось привлечь всех большевистских литераторов. Финансовой частью заведывал Л. Б. Красин, а мне было предложено занять место секретаря редакции, на что я охотно согласился. Пока шли переговоры, дела было немного: в виду все нараставшего революционного движения в Питере и во всей России, все были настолько заняты, что окончательное открытие газеты откладывалось со дня на день.

На 30 (17) октября в квартире Румянцева было назначено собрание большевистской части редакции. Я застал там только Богданова и его жену. Только около 11 часов вечера пришли все остальные и принесли с собой отпечатанный на мимеографе октябрьский манифест. Ни одна типография в тот день из-за забастовки не могла его отпечатать.

Насколько я помню, на этом собрании, кроме меня и Богданова, были: Румянцев, Красин, Базаров и, кажется, Б. В. Авилов. Было решено принять самые срочные меры к возможно скорому выпуску газеты, а также был составлен от имени Ц. К. Партии листок к рабочим, призывавший их продолжать борьбу и предупреждавший, что манифест далеко еще не есть победа рабочего класса [1].

Мне было поручено заняться приисканием помещения и всего необходимого для скорейшего издания газеты. Пришлось с утра следующего дня экстренно заняться этим делом. 9 ноября (27 октября) вышел первый номер „Новой Жизни"; в виде приложения к номеру была дана программа Р.С.-Д.Р.П.

Типография наша была не особенно мощной, и газету приходилось печатать в течение целого дня. Тираж был 60—80 тысяч экземпляров. Больше типография не в состоянии была выпускать.

Газета должна была выходить ежедневно. Но благодаря систематическим преследованиям со стороны полиции и юстиции, ежедневно выпускать газету не удавалось. За время с 9 ноября по 16 декабря, когда газета была закрыта окончательно, удалось выпустить 28 номеров. Редкий номер газеты не давал повода к привлечению редактора к ответственности. Меня, в качестве официального секретаря редакции, вызывали к следователю по важнейшим делам, и между нами происходил диалог приблизительно следующего содержания. Следователь, предъявляя мне номер газеты, спрашивал, с целью ли распространения был выпущен этот номер. Я отвечал, конечно, утвердительно. „В каком количестве был распространен номер?" — спрашивал следователь. — „60—80 тысяч", — отвечал я. — „Кто автор такой-то статьи?" — Ответ: „Это тайна редакции". — „И вы не скажете?" — „Нет." — „Так что отвечает редактор?" — „Да". — Этим кончалось.

15 декабря газета была закрыта. Было решено попытаться издать новую газету, уже совместно с меньшевиками, так как одновременно было закрыто и „Начало". Издали газету „Северный Голос". Ее закрыли после третьего номера. Издали „Наш Голос", закрытый после первого номера. К этому времени Совет Рабочих Депутатов был разогнан. Президиум его арестован. Московское восстание подавлено. Реакция торжествовала по всей линии. Редакция рассыпалась, члены ее разъехались в разные стороны, а контора осталась для ликвидации всякого рода расчетов.

Ис. Гуковский.

[1] Очевидно, именно этот листок печатается в настоящем издании, помеченный 18 октября.

Из воспоминаний.

В „Новой Жизни" я была помощницей заведующего конторой газеты. Заведывал же конторой и всей коммерческой стороной дела тов. Литвинов, именовавшийся тогда „Людовигом Вильгельмовичем".

Не помню, каков был тираж газеты. Во всяком случае главный кадр подписчиков составляли рабочие. Были заводы, как петербургские, так и провинциальные, которые подписывались на несколько десятков экземпляров. Зачастую подписчики, преимущественно из рабочих, обращались в редакцию с трогательным выражением своей радости по поводу выхода в свет рабочей газеты. Обращались с просьбой об указании, „что читать рабочему". Были и другие запросы. Вспоминаю случай присылки вместе с подписной суммой денег на „общее рабочее дело". В редакции и в конторе газеты вечно толпился народ — преимущественно рабочие.

Е. Смиттен.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

18 октября 1905.

К русскому народу.

Граждане! Борющийся пролетариат России победил. Невиданная в истории забастовка миллионов рабочих остановила всю общественную жизнь страны, и самодержавие, расшатанное девятимесячною отчаянной борьбой революционного народа, признало себя побежденным. Царь пуль и нагаек, царь тюрем и виселиц, царь шпионов и палачей подписал манифест о конституции, о правах народа [1]).

Дорогою ценою, кровью и голодом революционного народа куплена эта победа. Пусть же, торжествуя победу, он сумеет правильно ее оценить, чтобы разумно воспользоваться ею.

Царь говорит о свободе, о правах граждан, об участии народа в управлении страной. Верить ли царю?

Нет! Исконный враг народа, побежденный его силою, не мог стать его другом. Лжи и лицемерия, увертою и ловушек полны обещания царя и его руководителя — министра Витте.

Народу необходимо народное правление. Оно должно быть установлено самим народом в его Учредительном Собрании, созванном на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайной подаче голосов. Что же дает царь?

В свою Государственную Думу — Думу помещиков, капиталистов и кулаков — он обещает „по мере возможности" допустить выборных и от остального народа. Разве это то, что надо? Нет! Ясно, что это значит. Царь хочет сохранить большинство в Думе для своих друзей, он хочет, чтобы народ в ней был бессильным меньшинством.

Царь ссылается на краткость срока до созыва Думы: ему, будто бы, нет времени лучше ее переделать. Явная ложь! Гораздо скорее и легче устроить выборы со всенародным голосованием, чем с нелепым опросом и проверкой, у кого сколько земли и денег для выборного ценза, и с нелепым выбором от избирателей — уполномоченных, от них — выборщиков, от них — депутатов. Царь просто хочет иметь в Думе „по мере возможности" меньше представителей от народа.

Этой Думе царь дает часть своей законодательной власти, ей поручает он надзор за чиновниками, она должна выработать новое избирательное право. Может ли народ верить, что эта Дума, где высшие классы — в боль-

---

1) *От редакции.* Приводим текст царского манифеста:

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ
мы, Николай второй,
император и самодержец
Всероссийский
царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая,
и прочая, и прочая.

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях Империи нашей великой и тяжкой скорбью преисполняют сердце наше. Благо российского государя неразрывно с благом народным, и печаль народная — его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству державы нашей.

Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев надлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, и охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы, для успешнейшего выполнения общих преднамечаемых нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли:

1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2) Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующем краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку,

и 3) установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира в родной земле.

Дан в Петергофе в 17 день октября, в лето от рождества Христова тысяча девятьсот пятое, царствования же нашего одиннадцатое.

На подлинном собственною его императорского величества рукою подписано:

„Николай"

ГОД ПЕРВЫЙ.
№ 1

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ
с пересылкой и доставкою:
Въ России
На 1 г. На 6 м. На 3 м. На 2 м. На 1 м.
9 р. 4 р. 50 к. 2 р. 25 к. 1 р. 50 к. 80 к.
За границей
На 1 г. На 6 м. На 3 м. На 2 м. На 1 м.
12 р. 6 р. 3 р. — к. — к.
Отдельный номер стоит 5 коп.

ПЛАТА за об'явления: за строку нонпарели за 1 раз впереди текста 50 коп., позади текста 20 коп. За об'явления о предложении труда половинная плата. Плата за перемену адреса 30 копеек.

Новая Жизнь

С.-ПЕТЕРБУРГ.
ЧЕТВЕРГ, 27 ОКТЯБРЯ
(9 ноября) 1905 г.

Выходит ежедневно, кроме дней послепраздничных.

КОНТОРА (Невский, 68) открыта для подписки и приема об'явлений, по будням от 10 до 5, по праздникам от 12 до 2.

РЕДАКЦИЯ (Невский, 68) открыта для личных об'яснений от 3 до 5 дня.

Рукописи, доставленные без обозначения условий, оплачиваются в случае напечатания по усмотрению редакции.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на большую ежедневную политическую и литературную газету

„НОВАЯ ЖИЗНЬ".

Издается при ближайшем постоянном участии
МАКСИМА ГОРЬКОГО.

В газете принимают участие: Б. Авилов, Ю. Адамович, Л. Андреев, В. Базаров, К. Бальмонт, А. Богданов, И. Бунин, З. Венгерова, В. Вересаев, Л. Вилькина, А. Вольский, Л. Габрилович (Галич), Н. Гарин, И. Гольденберг, М. Горький, В. Ксандров, М. Ландау, Н. Ленин, А. Луначарский, М. Лунц, Л. Львов, П. Малянтович, П. Маслов, Н. Минский, М. Ольминский, К. Платонов, Н. Покровский, Б. Радин (Русов), Н. Рожков, Н. В. Романов, П. Румянцев, Т. Семенов, А. Серафимович, Скиталец, И. Степанов, Тэффи (Бучинская), Е. Чириков, Г. Чулков, В. Шанцер, С. Юшкевич и мн. др.

Газета ставит своей задачей быть выразительницей политических и экономических интересов рабочего класса. Большое внимание будет уделено научным, эстетическим и философским вопросам.

Подписка принимается с первого ноября; подписавшимся с первого ноября все номера, вышедшие в октябре, будут высланы без приплаты. Подписная цена с пересылкой и доставкой:

	на 1 г.	на 1/2 г.	на 3 мес.	на 2 мес.
В России	9 р. — к.	4 р. 50 к.	2 р. 25 к.	1 р. 50 к.
За границу	12 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	— р. — к.

На один месяц с пересылкой и доставкой 80 к.

Подписка принимается: в Петербурге, в главной конторе, Невский, 68, с 10 часов утра до 5 часов дня; в Москве: 1) Тверская улица, дом 38, книжный магазин „Труд", 2) Моховая улица, книгоиздательство „Колокол", и во всех книжных магазинах России.

Редактор-издатель *Н. М. Минский.*
Издательница *М. Ф. Андреева.*

К читателям-товарищам.

Начиная трудное и ответственное дело издания ежедневного органа, который ставит своей задачей выражать политические и экономические интересы рабочего класса, редакция сознает, что выполнить удовлетворительно эту задачу она сможет только при деятельной и дружной поддержке читателей. Прошли те времена, когда, по выражению Щедрина, „писатель пописывал, а читатель почитывал". Только тесный союз редакции газеты со всеми ее единомышленниками обеспечит конечный успех общего дела. Поэтому редакция обращается ко всем читателям-товарищам — и в особенности к товарищам-рабочим — с просьбой присылать статьи и заметки, как сообщающие факты современной общественной жизни, так и освещающие их значение, не стесняясь литературной формой. В частности, мы обращаем эту просьбу к провинциальным товарищам, от которых всецело зависит осветить жизнь всех углов России и тем помочь делу ее освобождения.

Вследствие спешности выпуска, в настоящем номере „Новой Жизни" отсутствуют некоторые постоянные отделы.

С.-Петербург.

27-го октября.

Заря новой жизни загорается над Россией. В муках революции рождается эта новая Россия. Из недр народа поднялась великая сила обновления. Она столкнулась с упорным сопротивлением умирающего режима. И из этого столкновения развилось то движение, колебаниями которого живет теперь не только вся Россия, но и весь мир.

Какова задача российской великой революции? Демократизация всего общественного и государственного строя. В управлении страной на место абсолютизма должно стать народное правительство. В отношениях между гражданами и государством полицейско-чиновничий произвол должна заменить охрана законом свободы вероисповедания, слова устного и печатного, собраний и союзов и неприкосновенности личности и жилища. В отношениях граждан между собой должны быть уничтожены все привилегии одних и ограничения других, связанные с принадлежностью к тому или другому сословию, племени, вероисповеданию, полу; все совершеннолетние и правоспособные граждане должны быть равны в правах и обязанностях.

Эти демократические требования до известной степени об'единили собой различные классы общества — и буржуазные и пролетарские. Но степень полноты и решительности, с какой выставляются эти требования, различна у отдельных классов. Точно так же неодинаково для отдельных классов и значение совершающегося демократического переворота; для буржуазии — это конечная цель движения, для пролетариата — это только этап на пути к социальному перевороту.

Надо ясно сознавать, что переживаемая нами революция по существу своему буржуазная. В конечном счете старый порядок в России, унаследованный от крепостной эпохи, разрушило развитие капитализма, сделавшее за последние 50 лет колоссальные успехи. Капиталистическое производство создало новые социально-экономические отношения. Образовались новые общественные классы: буржуазия и пролетариат, с рядом переходных между ними групп, в числе которых видную роль играет у нас так называемая интеллигенция. Между тем сохраняются старые сословные перегородки, лишающие сто миллионов крестьян даже тех немногих прав, которыми пользуются представители других сословий, и мешающие свободной группировке новых классов. Гражданская свобода стала необходимым условием для организованной борьбы отдельных общественных классов за свои интересы. Но вместо гражданской свободы старый порядок давал полицейско-чиновничий произвол, душивший всякое проявление общественной самодеятельности. Развитие капиталистического производства поставило перед государством новые колоссальные задачи как в области внутренних, так и международных отношений. Справиться сколько-нибудь удовлетворительно с этими задачами мог только сам народ через своих действительных представителей. Но вопреки этому сохранялся в неприкосновенности абсолютизм с его громадными полчищами враждебных народу чиновников и полиции. Эти-то противоречия между социально-экономическим развитием России и ее общественным и государственным строем и привели к затяжному кризису, а потом — и краху, каким была японская война. И народ поднялся из чувства самосохранения, требуя свободы и нового демократического строя.

Впереди борцов за освобождение России стоит рабочий класс, как это было и в других странах в периоды освободительной борьбы. Это мировая роль пролетариата об'ясняется его положением в современном капиталистическом обществе и его историческими судьбами. Класс, трудом которого создается богатство и культура современного общества, занимает в нем последнее место. Отдавая собственникам средств производства весь прибавочный продукт, всю прибавочную стоимость, для себя рабочий класс получает только минимум средств существования. Угроза нищеты и голода всегда стоит перед рабочим и его семьей. И чтобы крепче держать пролетариат в подчинении капиталистической эксплоатации, буржуазные классы всегда стремились ограничить его гражданские и политические права. Но та же капиталистическая эксплоатация сплачивает рабочий класс в одну великую армию, об'единенную сознанием единства классовых интересов и необходимости дружной за них борьбы. Капитализм, превращающий разрозненные предприятия мелких производителей в одно общественное производство, поставил и конечную цель этой борьбе: развитие общественного производства требует, чтобы средства производства принадлежали всему обществу, а не отдельным частным лицам, т. е. требует социализма.

Во имя этой цели более 50 лет назад Маркс и Энгельс, великие вожди рабочего класса, обратились к нему с призывом: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“. С тех пор во всех культурных странах образовались рабочие партии, ставшие под знамена международной социал-демократии, так как они сознали, что только братский союз рабочих всего мира будет в силах преобразовать общество на началах социализма.

Но борьба за интересы и задачи рабочего класса ведется, конечно, в границах существующих государств. И здесь степень политической свободы и политической власти, которой пользуется народ, имеет решающее значение: ею определяются и способы борьбы и ее ближайшие результаты. Вот почему рабочий класс всегда выносил на своих плечах дело борьбы против деспотизма и абсолютизма. Вот почему и у нас рабочий класс является передовым борцом за освобождение страны.

Но он не только передовой, но и самый последовательный борец за свободу. Буржуазия, из боязни силы и власти пролетариата, готова помириться с полумерами, с полуреформами. Порой она готова заключить союз с реакцией против рабочего класса. Пролетариат в требованиях преобразования общества на демократических началах идет до конца. Только при вполне демократическом строе он получит равные с буржуазией гражданские и политические права. А эти права дадут ему новую, могучую силу для социального преобразования.

Вот почему совместная борьба пролетариата с буржуазными классами за освобождение может быть только временной. В ходе этой борьбы неизбежно наступит момент, когда буржуазия предаст рабочий класс реакции. Так учит история. И русский рабочий класс должен воспользоваться ее уроками. Он должен организоваться под знаменем социал-демократии в рабочую партию, так как только такая партия сохранит ему достигнутые победы и поведет к новым, только она свяжет его с международным пролетариатом в одну великую семью.

Союз в защиту свободы печати, не признавая в принципе никаких кар, налагаемых в административном порядке на произведения повременной печати, протестует против конфискации № 372 „Русской Газеты“ распоряжением С.-Петербургского цензурного комитета.

Номера „Новой Жизни“ не представляются в цензуру, согласно решению союза в защиту свободы печати.

„Большинство“ и „меньшинство“.

Громадная роль социал-демократии в общественном развитии всего мира общепризнана. У нас в России в происходящей освободительной борьбе она также занимает передовую позицию. Если вынужденно-конспиративный характер ее деятельности не позволял до сих пор социал-демократии об'единить русский пролетариат в одну могучую, массовую организацию, то идейное ее влияние на рабочий класс было громадно. Социал-демократическая программа, социал-демократические лозунги политической и экономической борьбы широко развились в пролетарских массах, и во имя их совершалось и совершается освободительное движение.

Мало того: демократические требования социал-демократии получили широкое признание и оппозиционных кругов буржуазии, они стали, можно сказать, общенародными. Чтобы не быть голословными, укажем на

судьбу у либералов требования созыва учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права. Как известно, либералы в период своей политической „весны" — при Святополк-Мирском — не смели и заикнуться о всенародном учредительном собрании. Они лепетали нечто, не весьма вразумительное, об „участии представителей населения". И вот, когда на одном из банкетов несколько ораторов социал-демократов предложили включить в резолюцию требование созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего избирательного права, маститый председатель банкета, он же редактор политического журнала, считающего себя прямым преемником „Отечественных Записок", высказал крайнее негодование по поводу такой „бестактности" социал-демократов, „срывающих банкет".

Разумеется, собравшиеся на банкете почтенные либералы поддержали своего председателя. С тех пор прошло менее года. Либералы разместились по союзам и заполнили ряды конституционно-демократической партии. И что же... Созыв учредительного собрания всеобщим голосованием они считают теперь своим требованием.

Но успехи и рост политическрго значения русской социал-демократии не могут скрыть темной стороны ее истории за последние два года. Мы говорим о расколе российской социал-демократической рабочей партии на две фракции: „большинство" и „меньшинство". Раскол этот, конечно, ослабил партию. Он внес путаницу в умы членов партии как интеллигентов, так и, в особенности, рабочих, значительную часть которых он оттолкнул от партии. Раскол создал почву для демагогии самого низкого сорта. А в замкнутых партийных кружках, особенно заграничных, благодаря ему образовалась удушливая, истерическая атмосфера личной борьбы, взаимных обвинений и ненависти.

Партийный раскол есть наследие изжитых уже ненормальных условий деятельности социал-демократии в полицейско-самодержавном государстве. Партия давно уже переросла эти условия. Ей стало невыносимо душно в „подполье", и пока она не находила из него выхода в широкие пролетарские массы, в рядах ее и происходила та давка, которая выразилась в форме раскола. „Большинство" и „меньшинство" образовались в 1903 г., на втором с'езде партии, по организационному вопросу. Так как существовавшие политические условия не позволяли решить спорный вопрос партийной практикой, то спор перешел в литературу, и вокруг периодических органов сгруппировались враждебные друг другу кружки. Ненормальная обстановка ссыльно-эмигрантской жизни придала этой полемике специфический колорит. Попытка разрешить спорные вопросы на третьем с'езде не увенчалась успехом. По формальным основаниям, правильность которых спорна, „меньшинство" отказалось участвовать в с'езде и созвало одновременно с ним „конференцию". Таким образом оформлен был раскол партии. Но в то же время сравнение постановлений с'езда и конференции показало, что сколько-нибудь значительных различий в тактике, оправдывающих существование двух партий, нет, и обе фракции постановили подготовить взаимное об'единение.

В настоящее время изменившиеся политические условия требуют этого об'единения безотлагательно. Перед партией стоит громадная очередная организационная задача. Социал-демократия из конспиративной организации должна стать открытой партией пролетарских масс. Мы не предрешаем здесь ни срока, ни конкретных форм этого перехода. Но что он не может быть совершен сколько-нибудь удовлетворительно при существовании двух разобщенных фракций с одинаковой программой и тактикой, — это бесспорно. Было бы самоубийственной политикой для обеих фракций, составляющих социал-демократическую партию, начать теперь борьбу по перетягиванию рабочих масс в „свою" организацию. В результате выиграли бы только те элементы, которые хотят поссорить рабочий класс с социал-демократией, противополагая ей идею „самостоятельной" рабочей партии. Враги социал-демократии — а их у нее слишком достаточно среди буржуазных партий даже весьма радикальной окраски, — всегда с злорадством следившие за расколом партии и использовавшие его для своей агитации против социал-демократии, не могли бы пожелать для себя ничего лучшего, как сохранение теперь „большинства" и „меньшинства".

Мы отнюдь не хотим всем вышеизложенным сказать, что между этими двумя фракциями нет совсем тактических или организационных разногласий. Они есть. Но они недостаточны, чтобы оправдать образование двух самостоятельных партий, и могут вполне хорошо ужиться в границах одной и той же партии. Невозможно представить сколько-нибудь обширную и жизненную партию, в которой не было бы оттенков мнений, подчас довольно резко различных. Наоборот, в столкновении этих различий заключается жизнь, залог идейного развития партии, ее прогресса. Но эта идейная борьба внутри партии не должна нарушить ее единства, как политической организации. Пример такого правильного отношения к „разногласиям" дают нам немецкие товарищи.

Сколько раз немецкая буржуазная пресса с злорадством подчеркивала разногласия в среде немецких социал-демократов и предсказывала раскол на ближайшем же „партейтаге". Но каждый „партейтаг" социал-демократии приносил буржуазии новое разочарование: немецкая социал-демократия остается единой.

На обязанности всех русских социал-демократов лежит осуществить практически об'единение партии для совместной и дружной работы по разрешению многих насущных задач социал-демократии в новой России.

П. Румянцев.

О народной милиции.

Кровавые подвиги черных сотен приобретают с каждым днем все более и более угрожающие размеры. Если в Петербурге, не в пример прочим городам, жертвы хулиганов насчитываются пока единицами, то нет сомнения, что накопляющаяся в рядах новоявленных защитников самодержавия потенциальная энергия рано или поздно, и даже вернее рано, чем поздно, выльется наружу. Петербурга не минет чаша, преподнесенная многим городам России хулиганами-добровольцами и хулиганами по обязанности службы.

Эта новая „черная опасность" заставляет серьезно призадуматься. Смотреть ли на черные сотни, как на

организации чисто полицейские, видеть ли в них искренних защитников азиатского строя, или даже разудалую вольницу, нашедшую удобный случай погулять во-всю — факты массовых убийств и единичных насилий, еврейских погромов и „подпаливаний" интеллигенции и т. п. заставляют говорить о себе. Подвиги разудалых молодцов должны быть прекращены.

Если даже отказаться от весьма и весьма вероятной гипотезы о благосклонном поощрении со стороны некоторых превосходительных и высокопревосходительных временщиков и помпадуров, если даже допустить, что правительство искренне хочет прекратить эти неслыханные злодейства своих „друзей", то остается все же предположение не столь компрометирующего, но весьма печального в глазах сторонников теперешнего правительства свойства, — а именно, что правительство **не в силах** оградить жизнь граждан от шаек разбойников и буянов. Выводы наши в обоих случаях одни и те же — и только усиливаются в первом из них.

Ответ на вопрос, как бороться с „черной опасностью", гласит — организация народной милиции. Если правительство не в состоянии защищать граждан, и если граждане в то же время не склонны к морали непротивления злу — ясно, что им необходимо подумать о самозащите. Это наше человеческое право, это наша гражданская обязанность. Но обороняться один-на-один — не всегда удается, да это и не достигает цели. Ни для кого не секрет, что чья-то невидимая, но благодетельная рука снабжает черные сотни оружием; ни для кого не тайна, что шайки организованы, действуют по намеченному наперед плану. Ясно, что оружию надо противопоставить оружие, организации — организацию. Важно принять не только „меры пресечения", но и „меры предупреждения". Только когда не совсем благородные и далеко не бесстрашные рыцари павшей самодержавной бюрократии будут знать, что всякие попытки к убийствам и насилиям встретят дружный и организованный отпор, — можно быть уверенным в личной безопасности граждан.

Более того. Народная милиция должна сыграть еще и другую, более важную роль. В наше переходное время, когда нами завоеваны вольности и права свободных граждан, при сохранении на местах старых слуг отжившего строя, мы ничем не гарантированы, что помпадуры и помпадурчики всяких калибров будут пытаться игнорировать наши завоевания и будут применять старые испытанные меры к обузданию свободолюбия, не будут срывать, например, собрания под различными предлогами, заниматься провокацией в широком масштабе с целью найти повод к кровавым „усмирениям", введению военного положения и т. д., и т. д. и т. д. Кто или что может оградить нас от подобных поползновений реакционного губернатора, полицеймейстера и т. п.? Ни министр, недавний поборник самодержавия, ни основные законы, не имеющие никакого значения в глазах чиновников, воспитавшихся на произволе и беззаконии, не могут служить нам ни в малейшей степени гарантией неприкосновенности наших политических прав. Лишь мы сами можем защищать как нашу личность, так и наши основные права. Решимость отстоять свою жизнь и свои гражданские вольности во что бы то ни стало, организованность и боевая готовность заставят шайки хулиганов и чиновных врагов свободы отказаться даже от мысли о насилиях, и чем сильнее и многочисленнее будет народная милиция, тем реже придется пускать в ход оружие, тем меньше будет жертв, тем меньше крови будет пролито, тем более шансов, что победоносное шествие свободы не будет омрачаемо ненужными и невинными жертвами. Организация народной милиции — дело политически-целесообразное и истинно-гуманное.

Каков должен и может быть контингент милиции? Шайки хулиганов грозят всем друзьям свободы, произвол властей грозит самому существованию свободы — ясно, что организация народной милиции должна быть в руках искренних поборников свободы. Но какой класс населения самый искренний и самый последовательный защитник свободы? Жизнь уже ответила на этот вопрос — в этом с нами должны будут согласиться даже те, кто в других случаях с нами вовсе не согласен, — что надежнейшим оплотом свободы является пролетариат, что рабочий класс завоевал России начатки свободы и что ему по праву принадлежит задача охранения этих начатков и обеспечение условий их последовательного и непрерывного развития. Условия жизни пролетариата, обстановка фабрики, атмосфера классовой борьбы, формы рабочих организаций, — все это дает необходимые для подобной милиции предпосылки. Рабочие организации, заводские и районные, дают рамки отдельных отрядов, атмосфера классовой борьбы создает готовность самоотверженного отстаивания общих интересов; фабричная обстановка воспитывает дух дисциплины, а подвижность и привычка к пунктуальному посещению мастерской дают уверенность в быстром и своевременном появлении отрядов в нужный момент. Уменье поддержать порядок уже неоднократно обнаруживалось и признается за пролетариатом даже врагами рабочего движения.

Пролетариат ради своих классовых интересов и в интересах общегражданской свободы должен взять на себя организацию народной милиции; только он один, в виду указанных выше причин, может успешно выполнить задачи народной милиции. Это не значит, что другие слои населения, например, демократическая интеллигенция, не могут принимать участия в рядах народной милиции, но, очевидно, интеллигенция не в состоянии играть здесь значительную роль как по своей относительной малочисленности, так и по условиям интеллигентской психики. Зато помощь свободолюбивых слоев буржуазии вообще может выразиться в снабжении рабочих оружием и в доставлении средств на покупку его.

Действительная гарантия личной неприкосновенности и последовательное проведение и расширение свобод и вольностей всего народа находятся в зависимости от вооружения народа. Если черные сотни, играя на руку реакции, производят беспорядки, то рабочие батальоны в интересах культуры и свободы должны водворять порядок.

Таким образом, в наше смутное время, по иронии истории, роли меняются — силы, действующие под эгидой или при попустительстве полицейского правительства, стремятся к временной анархии, а разрушительная партия пролетариата берет на себя задачу восстановления порядка. Конечно, „порядок" отнюдь не самоцель в глазах борющегося за свои интересы рабочего класса, но в его

интересах, как и в интересах громадного большинства населения России, — прекращение бесчинств, творимых одичалыми „друзьями" и представителями изжитого режима.

Пролетарская милиция обеспечит права рабочего класса — всему же населению России; вооруженный пролетариат гарантирует ненарушимую широкую политическую свободу и близкую победу демократии.

Ополчение пролетариата для защиты народной свободы явится в то же время первым прочным шагом на пути к замене постоянных правительственных войск ополчением самодержавного народа.

Б. Самойлов.

Свободные речи.

I.

Совершающийся у нас государственный переворот во многих отношениях отличается от революций, разыгравшихся в свое время в Европе и превративших большинство европейских стран из самодержавных монархий в конституционные. Русская революция должна была преодолеть несравненно большую силу сопротивления, нежели европейские. Размах ее поэтому энергичнее и неудержимее, и можно с уверенностью сказать, что одним устранением абсолютизма она не ограничится, а приведет к ломке более решительной и к творчеству более смелому.

Как быстро чередуются времена, а с ними мечты людей! Всего год тому назад конституция являлась запретной и как бы недостижимой мечтой среднего русского обывателя. А теперь конституционная монархия является мечтой нашего, пошатнувшегося, сбитого с ног революционной волной, правительства. Оно признало себя побежденным, но не потеряло надежды уступкой самодержавия купить право на дальнейшее существование и власть. В сущности, оно уже вслух отреклось от самодержавия, ибо отказалось от законодательной власти — этого главного признака и основной прерогативы самодержавного режима. Если же оно, тем не менее, продолжает именовать себя самодержавным, то поступает так по тому же расчету, по которому купец, уже решивший про себя уступить товар за предложенную цену, все еще продолжает запрашивать и ждет, пока покупатель повернется к нему спиной, чтобы сказать окончательное: „пожалте!"

Правительство, повидимому, ждет того момента, когда Государственная Дума рассердится и повернется к нему спиною, для того, чтобы, сославшись на пример всей Европы, бесповоротно отказаться от самодержавия и объявить себя конституционным. Как знать, может быть, оно даже согласится присягнуть на верность конституции и привести к этой присяге войска. Ничего не поделаешь: пример всей Европы! По иронии судьбы то самое правительство, которое всегда твердило о самобытных началах русского строя и посылало на эшафот и в каторгу за малейшую попытку пересадить на русскую почву гарантии европейской свободы, оно же вынуждено ссылаться на пример Европы для того, чтобы удержаться на своем пошатнувшемся фундаменте. Но теперь указание на Европу может оказаться запоздалым. Теперь уже русская революция помышляет о самобытности...

В двух отношениях наша революция разнится от европейской, — и каждое из этих различий само по себе настолько важно, что на долгое время предрешает направление и судьбу всей политической жизни России. Первое различие заключается в том, что все государственные перевороты в Европе были произведены народом под руководством буржуазии, которая, стремясь к политической свободе и личной неприкосновенности, в то же время изыскивала более верные способы эксплоатации трудящихся классов. Каждая европейская революция оказывалась компромиссом двух противоположных начал — свободы и эксплоатации, и равнодействующей этих двух сил являлась представительная конституционная монархия — этот рай политических мечтаний для буржуазии и ад экономической действительности для пролетариата. Не то мы видим у нас. Россия — единственная страна, которая обязана переменой государственного строя главным образом сознательному рабочему классу, огромной организованной армии творческого труда, которая одна оказалась в состоянии противопоставить насилию — силу и упрямству — угрозу. Покуда либералы занкались о правовом порядке, покуда „Сыны Отечества" и „Вестники Европы" кивали на Запад, полицейски-самодержавное правительство издевалось над разумом и совестью и спокойно расхищало народный труд. Но, к счастью, русская интеллигенция, в лице учащейся молодежи, рано поняла свою историческую миссию — быть будильником рабочих масс, бродильным грибком пролетарского движения. Толкнувшись, в эпоху хождения в народ, в деревню и не найдя там отклика, она пошла в сторону наименьшего сопротивления, рассеялась по фабрикам и заводам и занялась делом, которое Достоевский так неумно и непроникновенно назвал процессом отколупывания отдельных человечков от народной массы. (Насколько этот процесс был плодотворен, показала только-что пережитая нами бескровная революция [1]).

Незабвенные дни! — Конечно, мы все и раньше знали, что обязаны рабочему всеми благами жизни: и пищей, и одеждой, и средствами передвижения, и светом, и водоснабжением. Но одно дело знать, а другое — видеть. Мы свидетели октябрьской забастовки — воочию убедились, что труд является самодержцем жизни даже и тогда, когда он отдыхает и как бы отсутствует. Существует персидская легенда о том, как бог создал в шесть дней природу и человека, в седьмой день предался отдыху и в этот день великого бездействия создал красоту, песню и пляску. Нечто подобное можно сказать о рабочем. Пока он трудится, он создает для человечества пищу, одежду и кров, все условия комфорта и культуры. Когда же он бросает работу и отдается великому бездействию забастовки, он создает — свободу. Мы видели, как самодержавный труд [1]).

Одержав такую победу, сознательный рабочий класс вправе воспользоваться ее плодами. Таково первое условие, заставляющее предполагать, что русская революция приведет не к двусмысленному компромиссу — конституционной монархии, по самой сущности относящейся враждебно к идеалам рабочего класса, а к непритворному народовластию.

Но есть еще и другая причина, столь же могучая и неустранимая, заставляющая верить, что политическая жизнь России потечет по руслу демократизма. О ней — до следующего раза.

Н. Минский.

[1]) См. поправку от редакции в № 2 „Новой Жизни", стр. 2 Прим. к настоящ. изд.

Русская печать.

*** На словах возвещена конституция, а на деле свирепствует произвол. Мы слышали слова о свободе и видели расстрелы и избиения. Стреляют в обезоруженных людей, зверски избивают студентов, громят думы и земства, натравляют черносотенцев и войска на мирные собрания и процессии. Реакцией провозглашен лозунг: „Хулиганы всех положений, об'единяйтесь“. Вместо возвещенных свобод, идет травля и кровавая бойня, от которой содрогаются все, кто был бы уже готов успокоиться и примириться с обещанными уступками — в том самом виде, в котором оне обещаны.

Немудрено, что эти „умеренные“, т.-е. либеральные буржуа, продолжают жаться к союзнику, мощь которого уже испытали. Трудно сказать, делается ли это сознательно, или многое здесь подсказывается инстинктом, но несомненно, что либеральная буржуазия и ее орган — прогрессивная пресса — усердно заискивают у пролетариата. Они уже не верят правительству и в конвульсиях бессилия и тревоги жаждут спрятаться за спину пролетариата, поступаясь полнотой прав на эксплоатацию во имя безопасности и свободы. В программу буржуазного „блока“, — конституционно-демократической партии включены, хотя и скрепя сердце, с недовольством, прорывающимся в оговорках, некоторые из основных пролетарских требований, выдвинутых в настоящий момент: восьмичасовой рабочий день, учреждение примирительных камер из представителей предпринимателей и рабочих, широкая охрана труда и т. д. и т. д.

Г. Вл. Набоков поясняет эту тактику в „Праве“:

Последние события показывают, какая колоссальная опасность угрожает русскому обществу. Всколыхнувшееся море опустошительными волнами перекинулось через берег; бесчинства черных сотен и хулиганов превзошли в три дня все, что история последних десятилетий дала ужасного, кровавого. И ополчаясь против этого стихийного террора, все левые партии должны сплотиться, предоставив правым броситься в об'ятия реакции. Мы знаем, что такая реакция не может быть долговременной, дни ее сразу окажутся сочтенными. Но мы содрогаемся при мысли о тех потоках крови, которые эта реакция прольет по всей русской земле, о той массе новых жертв, которые будут принесены на алтарь освобождения России. Раскол между нами и стоящими влево мы бы считали поэтому не только политической ошибкой, но и историческим преступлением.

*** „Сын отечества“ поет в униссон:

В кровавые дни наши враги не различали ни национальностей, ни партийных различий и оттенков; они избивали, убивали и насиловали всех, кто казался им причастным к делу освобождения России, — евреев, армян, русских земцев, социал-демократов. Можем ли мы при таких условиях тратить хоть одну каплю наших сил на взаимные пререкания и внутренние раздоры? Наши разногласия могут и должны остаться; различными останутся также пути и способы действия. Но больше, чем когда-либо прежде, мы должны помнить, что враг у нас один. Организация всех передовых сил общества для борьбы с общим врагом — это задача дня.

Этот лозунг для пролетариата — не новость. Это старый и испытанный лозунг: „итти врозь, бить вместе“. Пролетариат и на этот раз не отказывается завоевать для буржуазного общества полную свободу от произвола. Но он будет хорошо помнить, что как нельзя верить правительству, так безумно доверяться и буржуазии. Вы хотите временного союза? Он не нужен. И без вашего приглашения пролетариат сделает то, чего вы от него ждете. Но он сделает больше.

Русскому рабочему.

Рабочий, только на тебя
Надежда всей России.
Тяжелый молот пал, дробя
Оплоты крепостные.
Тот молот, — твой. Пою тебя
Во имя всей России!
Ты знал нужду, ты знаешь труд,
Ты слишком знаешь голод.
Но ты восстал. С тобой идут
Все те, кто сердцем молод.
Будь тверд, яви еще свой суд,
Острог не весь расколот.
Тебя желают обмануть,
Опять, опять и снова.
Но ты нам всем наметил путь,
Дал всем свободу слова.
Так в бой со тьмой, и грудь на грудь,
То, — зов Сторожевого.
Сторожевой средь темноты,
Сторожевой средь ночи —
Лишь ты, бесстрашно-смелый, ты,
Твои нам светят очи.
Осуществятся все мечты,
Ты победишь, Рабочий!

К. Бальмонт.

Орел и курица.

(Сказка.)

В одной клетке сидели орел и курица. Орел смотрел через клетку в ту сторону, где выглядывало голубое небо, и где белые голуби свободно пролетали куда-то мимо, а курица смотрела во двор, на проталины, на навоз и лужи, смотрела туда, где копались в навозе счастливые кахетинки...

И обоим, и орлу и курице, было тяжело и скучно...

— „Давай, орел, сломаем клетку!“ — предложила курица.

„Давай, сломаем“...

И они начали ломать клетку.

Орел острым клювом разгибал железные прутья, и алая кровь сочилась у него изо рта, а курица кудахтала...

Долго они так трудились сообща, и, наконец, лопнул один из железных прутьев...

Тогда курица выпрыгнула на двор и закричала о том, что она давно уж собирается снестись...

— „Курица, помоги же мне выбраться из клетки“.

— „Выходи!“

— „Но у меня на ноге еще железное кольцо и цепь, приковывающая меня к клетке...“

— „Не могу... я слабая женщина...“ — сказала курица.

— „В чем дело? — спросили ее подошедшие кахетинки и когда узнали, то закричали: — Нельзя выпускать орла! Его клюв обратится на нас же!“

Услыхал эти разговоры человек, подошел к клетке и сказал:

Он вам даст требуемые гарантии, но добудет гарантии и от вас. Об'единение мы можем понять только в том смысле, что вы дадите нам их добровольно, не упираясь и не откладывая на завтра, что должно быть осуществлено немедленно.

18 октября.

Тихое, прозрачное небо с затаенным солнцем. Поникшие недвижные флаги, казенно прицепленные к балконам и подоконникам.

По улицам, задерживаясь на углах, спеша, журча и переливаясь, течет толпа. Она вливается в общее широкое и бесконечное русло, в могучую и торжественную процессию, еще невиданную нашим тихим небом, нашими поникшими флагами.

Серый воздух разрезан красными знаменами. Они извиваются, как темные гигантские струи воскресшей торжествующей крови.

И над ними звенит и колышет их гимн свободы, гимн великого единого счастья человеческого.

Звонкие женские голоса дрожат стальными, вибрирующими нитями:

„Марш, марш вперед,
Рабочий народ!"

Тихо внимают застывшие громады-дворцы новым словам новой жизни.

Из-за угла, щелкая подковами, медленно выезжает патруль и серый, тусклый исчезает за толпой, словно вспомнившаяся галлюцинация старого сна.

Около думы густая толпа.

Говорит оратор-студент. Слова его разбираются плохо, но и те отдельные отрывки, которые долетают, производят сильное впечатление.

Извозчики, под'ехавшие вплотную, слушают, качают головой, обмениваются мнениями.

— Значит, свобода, — толкует один. — Значит, теперь городовой все равно, что не персона.

— Крышка им теперь, — соглашается другой. — Давно пора. Наедешь ему на самый носак, а он стоит и не пряцится. Вавилон египетский! Нарочно, чтоб штраф записать. Теперь побегает!

— День-то какой! — восторженно шепчет старичек в гарусном шарфе. — Довелось-таки увидеть, дожить до эдакого дня!.. И откуда они такую песню выучили?

— То ли мы еще знаем, дедушка. Дай только время, покажем!

— Смотри! Смотри! Ой, стыдобушка головушке — околоточный красному-то знамени под козырек делает.

Весело смеющиеся лица оборачиваются. Толстый околоточный, вытянувшись во фронт, отдавал честь и озирался, ища „начальство", чтобы, согласно воинскому артикулу, поесть его глазами. Искал тщетно. Так и не поел, но козырял исправно.

— „Эге!.. Скверное дело..."

И опять человек исправил сломанный прут — курицу он пустил гулять по двору, а орла, с окровавленным клювом, оставил в клетке...

Е. Н. Чириков.

Заметки о мещанстве.

I.

Мещанство — это строй души современного представителя командующих классов. Основные ноты мещанства — уродливо развитое чувство собственности, всегда напряженное желание покоя внутри и вне себя, темный страх пред всем, что так или иначе может вспугнуть этот покой, и настойчивое стремление скорее об'яснить себе все, что колеблет установившееся равновесие души, что нарушает привычные взгляды на жизнь и на людей.

Но об'ясняет мещанин не для того, чтобы только понять новое и неизвестное, а лишь для того, чтобы оправдать себя, свою пассивную позицию в битве жизни.

Отвратительное развитие чувства собственности в обществе, построенном на порабощении человека, может быть, об'ясняется тем, что только деньги как будто дают личности некоторую возможность чувствовать себя свободной и сильной, только деньги могут иногда охранить личность от произвола всесильного чудовища—государства.

Но об'яснение—не оправдание. Современное государство создано мещанами для защиты своего имущества — мещане же и дали государству развиться до полного порабощения и искажения личности. Не ищи защиты от силы, враждебной тебе, вне себя: умей в себе самом развить сопротивление насилию.

Жизнь, как это известно,— борьба господ за власть и рабов — за освобождение от гнета власти. Темп этой борьбы становится все быстрее, по мере роста в народных массах чувства личного достоинства и сознания классового единства интересов.

Мещанство хотело бы жить спокойно и красиво, не принимая активного участия в этой борьбе, его любимая позиция — мирная жизнь в тылу наиболее сильной армии. Всегда внутренно бессильное мещанство преклоняется пред грубой внешней силой своего правительства, но если, как мы это видели и видим — правительство дряхлеет, мещанство способно выпросить и даже вырвать у него долю власти над страной, — при чем оно делает это, опираясь на силу народа и его же рукой.

Оно густо облепило народ своим серым, клейким слоем, но не может, не чувствовать, как тонок этот холодный слой, как кипит под ним враждебные ему инстинкты, как ярко разгорается непримиримая, смелая мысль и плавит, сжигает вековую ложь...

Этот натиск энергии снизу вверх возбуждает в мещанстве жуткий страх пред жизнью, — в корне своем это страх пред народом, слепой силой которого мещанство выстроило громоздкое, тесное и скучное здание своего благополучия. На тревожной почве этого страха,

* * *

Казанская площадь. Знамена, знамена! Алые, радостные! Сшитые тайно и спешно дрожащими от счастья руками, любовно несомые.

Уличные мальчишки с красными перевязками на фуражках, с красными шарфами через плечо.

— Как красиво! — говорит кто-то.

— Красиво, — отвечает другой. — Очень красиво. Некрасиво только, что убитые есть...

— Убитые...

Колышатся знамена. Вот между ними одно черное, жуткое. Выплыло, остановилось. Кто-то говорит...

Образуются маленькие кучки — митинги. Рассказывается о событиях дня, о бесчинствах хулиганов, о резолюции Стачечного Комитета.

А мимо, вдоль Невского, все вьется и растет и растет бесконечно могучая толпа. И кто примыкает к ней — назад не возвращается.

* * *

Огромные коридоры университета.

Живая цепь студентов разделяет движущуюся массу толпы на два встречных потока.

Аудитории полны. Через потускневшие от жары стекла видны возбужденные лица. Вспыхивают единодушные возгласы, крики „ура", аплодисменты.

Актовый зал весь движется и гудит.

Стоят тесно, прижавшись плечом к плечу. Солдат, дама в белых перчатках, студент, рабочий, офицер, чиновник с кокардой, женщина в платке, матрос. Все вместе, все слушают, все одинаково вспыхивают от тех слов — искр, которые бросают с высокой эстрады все новые и новые ораторы.

— Тише! Товарищ офицер будет говорить.

— Ура-а-а! — приветствует заявление восторженная публика. Громче всех кричит верзила — гвардейский солдат, с добродушным детским лицом. — Ура-а!

Офицер говорит от союза военных, об их солидарности с народом.

Каждое его слово ловится, повторяется, передается через двери тем, кто не попал, не услышал.

Офицера сменяет другой офицер. В одной из аудиторий устраивается митинг для военных.

* * *

На площади перед университетом грандиозный митинг. Ораторы говорят с эстрады.

Освещенные окна тускло озаряют темную густую человеческую массу. Она тихо рокочет и копошится, то сливаясь густым ядром, то расползаясь, словно расплескиваясь вширь.

Здесь уже нет такой тесной связи между ораторами и слушателями.

Простор неба, свобода движений, возможность обменяться словом с соседями ослабляют напряженность цепи внимания.

Меняются места, ведутся вполголоса беседы.

Какой-то господин подошел к булочнику с корзиной на спине.

— Что, булочник, и ты пришел послушать?

— Да, вот хотелось и мне узнать, что у нас такое делается.

на предчувствии отмщения, у мещан вспыхивают торопливые и грубые попытки оправдать свою роль паразитов на теле народа — тогда мещане становятся Мальтусами, Спенсерами, Лебонами, Ломброзо, — имя им легион...

В будущем, вероятно, кто-то напишет „Историю социальной лжи" — многотомную книгу, где все эти трусливые попытки самооправдания, собранные воедино, представят собой целый Арарат бесстыдных усилий подавить очевидную, реальную истину грудами липкой, хитрой лжи.

Мещане всегда соблазняются призрачной возможностью доказать самим себе и всему миру, что они ни в чем не виноваты.

И доказывают более или менее многословно и скучно, что в жизни существуют необоримые, роковые законы, созданные богом, или природой, или самими людьми, что по силе этих законов человек может удобно устроиться только на шее ближнего своего и что если все рабочие захотят есть котлеты — на земле не хватит быков...

* * *

Противоречия между народом и командующим классом — непримиримы. Каждый человек, искренно желающий видеть на земле торжество истины, свободы, красоты, должен бы, по мере сил своих, работать в пользу быстрейшего и нормального развития этих противоречий до конца, ибо в конце этого процесса пред всеми людьми с одинаковой очевидностью встанет и преступность нашего общественного устройства, и ясная для всех невозможность дальнейшего существования его в современных формах...

Мещанство всегда пытается задержать процесс нормального развития классовых противоречий.

Когда в жизни усиливается трение враждебных сил, мещане тревожно прячут головы под крыло какой-либо примирительной теории. Уклоняясь от личного участия в борьбе, мещанин старается ввести в нее более или менее авторитетное третье лицо и возлагает на него защиту своих мещанских интересов. Раньше он ловко пользовался для своих целей богом; задавив бога устройством церкви, обратился к науке, везде стараясь найти доказательства необходимости для большинства людей подчиниться меньшинству.

Каждый раз, когда на светлом и величественном храме науки появляется какая-то темная, подозрительная плесень, так и знайте — это мещанин коснулся храма истины своей нахальной, нечистой рукой...

Науку родили опыт и мысль человечества, она есть свободная сила, которую трудно подчинить интересам мещанства, — в науке не нашлось доводов, оправдывающих бытие мещанства, напротив — чем дальше она развивается, тем более ярко освещает вред паразитизма...

На почве усиленных попыток примирить непримиримое у мещанина развилась болезнь, которую он назвал — совесть. В ней есть много общего с тем чувством тревожной неловкости, которое испытывает дармоед и бездельник в суровой рабочей семье, откуда — он ждет —

— Конституция, голубчик, — свобода, значит.

— Свобода?

— Ну да. Свобода слова, печати, собраний... Понимаешь, можешь собираться, если захочешь.

— А еще что? — любопытствует булочник.

— Еще? Как бы это тебе об'яснить получше? Ну — свобода союзов... Об'ясни ему, Мари, — обращается господин за помощью к подошедшей жене.

— Мне трудно, — отказывается жена, — il ne comprend pas.

Бородатое лицо булочника вдруг раз'ехалось в лукавую улыбку.

— Вот вы насчет печати изволили сказать. Стало-быть так-с. А то уж мы боялись — не нарочно ли эту статью в манифесте-то пропустили.

— Каково! Каково! — подтолкнул господин локтем жену. — Ты слышала?

— А потом еще выражали у нас надежду, — с самым невинным видом продолжает булочник, — надежду на учреждение социал-демократической республики.

— Что-о?

У господина поднялись брови и в'ехали под котелок.

— Что-о? Что ты выговорил! Да откуда ты это?..

— Вот так булочник, — сказал рядом студент. — Я думал — у него в голове выборгский крендель, а он, изволите ли видеть — социал-демократическая республика. И выговорил-то как — так и отчеканил. Проще чем сайка с маком... Ловко!..

— Что же это такое? — не могла прийти в себя дама. — Тетя Лиза еще сегодня за завтраком вместо „конституция" говорила „контрибуция", а тут вдруг булочник...

На балкон выходит новый оратор.

Толстый чиновник с кокардой на бархатном околыше внимательно слушал несколько минут и вдруг рассердился.

— Чорт знает что такое? Товарищ-товарищ, товарищ-товарищ, — ничего не поймешь.

— Правильно изволили заметить, господин, — поддерживал его рабочий. — Вам этот разговор очень трудно понимать, непривычка-с. Вам нужно: „мерзавец", раз-два — да и в ухо. Это разговор — ясный. Его легко понимать.

Мимо Исаакиевского собора движется бесконечная процессия.

— Идут! Идут! — кричат друг другу извозчики.

Останавливают лошадей, снимают шапки. Идут.

Их пение, смягченное черными ночными туманами, звучит, как таинственно-вдохновенная молитва.

В зыбком свете редких фонарей колышатся их знамена длинными, прямыми, темными полотнищами. Они сбросили свой дневной алый радостный цвет и спокойные, могучие, ведут за собой свой народ, свое великое воинство, вперед, через черную ночь, к новому рассвету, в новую жизнь.

Тэффи.

его могут однажды выгнать вон. В сущности и совесть — все тот же страх возмездия, но уже ослабленный, принявший, как ревматизм, хроническую форму... Эта особенность мещанской души позволила мещанину создать новое орудие примирения — гуманизм, — это нечто вроде религии, но не так цельно и красиво: тут есть немного логики, немного доброго чувства, жалости и много наивности и всего больше христианского стремления дать людям, вместо хлеба насущного, мыльные пузыри. В конце концов это милостыня народу, довольно жалкие и пресные крохи, великодушно брошенные богатым Лазарем своему бедному тезке... Это не имело успеха, народ не насытился, не стал более кротким и попрежнему, хотя и безмолвно, но очень косо смотрел голодными глазами, как пожирались плоды его труда... Было ясно — гуманизм не может служить для мещан орудием защиты против напора справедливости...

Мещанин любит говорить народу: „возлюби ближнего своего, как самого себя", но под ближним всегда подразумевает только самого себя и, поучая народ любви, оставляет за собою право жить за счет чужого труда — незыблемым.

Когда мещанство убедилось, что народ не хочет быть гуманным и учение Христа не примиряет рабочего с его ролью раба, навязанной ему государством, — оно почувствовало и гуманизм, и религию, как излишний балласт в своей тесной, квадратной, маленькой душе, оно захотело освободить себя от этого балласта — отсюда и начался отвратительный процесс разложения мещанской души.

Нужно было видеть пьяную радость мещан, когда Ницше громко заговорил о своей ненависти к демократии!

Им показалось, что вот, наконец, явился некий Геркулес, он очистит авгиевы конюшни мещанской души от серой путаницы понятий, освободит из мелкой и пестрой сети чувствований, которую они так долго и усердно и бездарно плели своими руками, которая связала их взаимно друг друга отрицающими нитями, — я хочу, но я не должен, я должен, но я не хочу, — связала и привела в тупик бессильного отчаяния — я не могу жить. Мещанство немедленно сделало из Ницше идола, заключив всю многообразную душу его в один жуткий крик:

— Спасайтесь, как сможете. Мир погибает, ибо идет демократия!

Но это был крик агонии самого мещанского общества, издыхающего от утомления в поисках хотя бы и дешевого, но прочного счастья, хотя бы и скучного, но устойчивого покоя, тесного, но твердого порядка. Может быть, Ницше был гений, но он не мог сделать чуда, не мог влить новую горячую кровь в изношенные жилы и огнем своей души не мог пережечь мелких лавочников в аристократов духа. Призыв к самозащите пал на бесплодную почву — мещанство живет чужим трудом и может бороться только чужими руками...

Раньше оно могло покупать людей на службу себе деньгами, позднее подкупало их обещаниями и всегда обманывало. Теперь, когда люди начали понимать свои

Москва.

25 октября.

— Во сегодняшнем номере „Русского Слова" помещено следующее знаменательное письмо в редакцию: „Пережив ужасную душевную драму, я не нашел дальнейших сил для сделок с совестью, подал в отставку. Вместе с тем я возбудил ходатайство об исключении меня из казачьего сословия. Есаул Петр Ильченко".

26 октября.

— В сегодняшнем номере „Русских Ведомостей" помещено открытое письмо к митрополиту московскому и коломенскому Владимиру, подписанное профессорами и преподавателями московской духовной академии. В этом письме авторы его говорят, что десяток успокоительных слов, которые митрополит опубликовал в московских газетах, не может изгладить из памяти общества того, что было сказано народу с церковного амвона. „Для вашего высокопреосвященства,—говорится далее в письме,—существует только одно средство исправить допущенную вами ошибку: произнести с церковного амвона те слова мира и любви, которые вы высказали в вашем письме. Если вы действительно не находите оснований противодействовать освободительному движению и жаждете только всеобщего примирения и спокойной культурной работы в условиях новой свободной жизни: скажите это вашей пастве на том же святом месте, с которого вы заставили московское духовенство посылать проклятия борцам за наше освобождение". Следующие заключительные строки письма набраны курсивом: „Призовите всех верных сынов православной церкви открыто и честно стать под знаменем свободы, водруженным над Россией высочайшим манифестом 17 октября текущего года".

— В „Русском Слове" помещено следующее знаменательное письмо нижних чинов I Донского казачьего полка: „Мы очень хорошо знаем и понимаем, что казаки других полков, которые сюда присланы, очень плохо себя ведут и большой стыд от них всему нашему войску. Очень нам жалко, что газеты не пишут номера полков, что обижают жителей. Москвичи будут думать, что это I полк безобразничает, а мы Христом богом клянемся, что не выпустили ни одной пули и никого не били. Мы стоим в Москве с самой турецкой кампании, и ни один москвич не имел на нас никакой претензии. Никто из гг. офицеров никогда нам не приказывал ни бить никого, ни трогать никого. Мы даже только теперь стали ездить с плетьми, а при генерале Вершинине, что командует теперь гвардейским нашим полком, даже многие их не имели совсем. Мы стараемся никого не обидеть. Собралось нас казаков 78 человек, да 11 гг. урядников, да два фельдшера. Все сие верно. Писал по просьбе казаков старший урядник Z. I полк".

— Из Тулы телеграфируют некоторые подробности о прикосновенности губернатора Осоргина к последнему погрому: „Городской голова Волков, присяжный поверенный Рязанов и др. лица утверждают, что об избиении 21 октября говорили накануне ночью. Днем городской голова и прокурор просили губернатора предотвратить избиение, но все тщетно. Накануне черносотенцы качали губернатора Осоргина".

— Из Киева сообщают: „Газеты вновь обезличиваются цензурой. 37 политических, заключенных в тюрьмах, не получая от Витте ответа на телеграмму об освобождении, об'явили голодовку".

— Сегодня освобождены из мест заключения трое крестьян деревни Аксеновки, Можайского уезда, арестованных за распространение воззваний Крестьянского Союза среди своих односельчан. Арестованные, попавшие под амнистию, были встречены при выходе из тюрьмы группой своих земляков, устроивших своим односельчанам шумную овацию.

— Центральное бюро всероссийского союза почтово-телеграфных чиновников извещает, что с'езд представителей почтово-телеграфных учреждений, уполномоченных для окончательной выработки программы союза и пред'явления требований, состоится в первой половине ноября.

— Союз союзов решил официально открыть свою деятельность и осуществит свое намерение на-днях.

— Из Одессы сообщают „Русскому Слову" следующие по-

личные интересы, их трудно обмануть. Люди все более резко делятся на два непримиримых лагеря — меньшинство, вооруженное всем, что только может защитить его, большинство, у которого только одно оружие — руки и одно желание равенство. Направо стоят бесстрастные, как машины, закованные в железо рабы капитала, они привыкли считать себя хозяевами жизни, а на самом деле это — безвольные слуги холодного, желтого дьявола, имя которому — золото. Налево все быстрее сливаются в необоримую дружину действительные хозяева всей жизни, единственная живая сила, все приводящая в движение, — рабочий народ... сердце его горит уверенностью в победе, и он видит свое будущее — свободу...

Между этими двумя силами растерянно суетятся мещане, — они видят: примирение невозможно; им стыдно итти направо, страшно — налево, а полоса, на которой они толкутся, становится все теснее, враги все ближе друг к другу, уже начинается бой...

Что делать мещанину? Он не герой, героическое непонятно ему, только иногда на сцене театра он любуется героями, спокойно уверенный, что театральные герои не помешают ему жить. Он не чувствует будущего и, живя интересами данного момента, свое отношение к жизни определяет так:

Не рассуждай, не хлопочи,
Безумство ищет, глупость судит.
Дневные раны — сном лечи,
А завтра быть тому, что будет.

Живя — умей все пережить:
Печаль и радость и тревогу.
Чего желать? О чем тужить?
День пережит — и слава богу...

Он любит жить, но впечатления переживает не глубоко, социальный трагизм не доступен его чувствам, только ужас пред своей смертью он может чувствовать глубоко и выражает его, порою, ярко и сильно. Мещанин всегда лирик, пафос совершенно не доступен мещанам, тут они точно прокляты проклятием бессилия...

Что им делать в битве жизни? И вот мы видим, как они тревожно и жалко прячутся от нее, кто куда может — в темные уголки мистицизма, в красивенькие беседки эстетики, построенные ими на скорую руку из краденого материала; печально и безнадежно бродят в лабиринтах метафизики и снова возвращаются на узкие, засоренные хламом вековой лжи тропинки религии, всюду внося с собою клейкую пошлость, истерические стоны души, полной мелкого страха, свою бездарность, свое нахальство, и все, до чего они касаются, они осыпают градом красивеньких, но пустых и холодных слов, звенящих фальшиво и жалобно...

Эту скучную и тревожную суету мещанства наших дней, испуганного предчувствием своей гибели, последнюю главу его бесцветной истории можно назвать так:

„Мещане, кто во что горазд!"

М. Горький.

дробности последних кровавых дней: „Всех убитых за четыре дня 1.100 человек, раненых, изувеченных и искалеченных до 3.000. Хоронят в братских могилах по 35-ти человек. Масса убитых неопознаны. Черносотенцы из хулиганов и полицейских провокаторов открыто называются „треповцами". Несколько офицеров, решившихся притти на помощь несчастным, которых убивали и грабили, подвергнуты наказанию и сидят на гауптвахте. В пассажирском поезде, пришедшем 21-го октября, найдено 10 убитых и более 20-ти раненых".

— Из Варшавы телеграфируют от 25-го октября: „Если провокация не прекратится, то, по слухам, решено обливать пойманных провокаторов бензином и зажигать их на улицах для устрашения черносотенцев".

— Сегодня комитет общественной самообороны, не имеющий ничего общего с комитетом, разработавшим проект об организации городской милиции, разработал проект организации общественных дружин самозащиты и постановил немедленно же приступить к этой организации. Будет устроен сбор пожертвований на вооружение для дружинников, и уже предложено всем союзам и другим общественным организациям собирать средства и организовать дружины общественной самообороны.

— В Москве организовался комитет по сбору пожертвований в пользу пострадавших во время последних еврейских погромов. Сегодня, в первый день деятельности комитета, собрано уже свыше 30 тыс. рублей. Члены комитета обратились с воззванием ко всем, без различия вероисповеданий и национальностей, притти на помощь пострадавшим евреям. Комитет получает со всех концов России сотни телеграмм с подробным описанием тех ужасов, которые происходили в разгромленных городах и которые превзошли все те бедствия, которые испытывали евреи до настоящего времени.

— „Вечерняя Почта" сообщает, что епископы Никон и Трифон, знаменитые своими патриотическими проповедями, в непродолжительном времени уходят на покой.

— На нескольких московских фабриках и заводах, в том числе и большой фабрике Р. Симона, рабочие предъявили ряд экономических требований и заявили, что при неудовлетворении они забастуют. Часть требований удовлетворена, но рабочие заявляют, что не станут на работу, пока не будут удовлетворены полностью.

Среди рабочих Московско-Брестской железной дороги, которой управляет полковник Мец, устраненный несколько лет тому назад от управления Петербургско-Варшавской жел. дор., заметно сильное брожение. Дело в том, что г. Мец принимал все меры к тому, чтобы противодействовать освободительному движению среди высших и низших служащих дороги, не брезгая угрозами, прибегал к насилию и замеченных „свободолюбцев" устранял от занимаемых должностей без всякого предупредительного заявления. В происходившем на-днях собрании служащие и рабочие единодушно выработали резолюцию, которой высказывается полное порицание действиям г. Меца. Эта же резолюция передана по телеграфу и кн. Хилкову.

— Отставка московского городского головы принята в думских городских сферах с полным равнодушием. Уже теперь образовались партии для избрания кандидатов на должность городского головы. Консервативная партия наметила А. И. Гучкова, прогрессивная партия—известного общественного деятеля проф. С. А. Муромцева. Выборы городского головы состоятся в непродолжительном времени, еще до начала выборов в городскую думу.

— Представители профессоров университета и остальных высших учебных заведений были у московского градоначальника бар. Медема и обратили его внимание на крайне тяжелое положение учащихся города Москвы, которые не застрахованы от повсеместного на них нападения. Точно так же депутация посетила прокурора судебной палаты, указала на ряд фактов, изобличающих действия полиции в крайне странной форме, а также сообщила о случаях, когда на глазах полиции избивалась учащаяся молодежь. Градоначальник и представитель судебной власти обещали принять энергичные меры к расследованию всего происходившего, а также и к тому, чтобы воспрепятствовать в дальнейшем нападению на учащихся.

— Сегодня получено известие из Рогачевки, Дмитр. уезда, Моск. губ., что врачи покинули селение в виду того, что черносотенцы решили разгромить земскую больницу. Рогачевка славится тем, что поставляет черносотенцев на Москву; почти все охотнорядцы вышли из этого села.

— А. И. Гучков выехал в Петербург. П. Крушеван выехал из Москвы.

— В Москве нарождается целый ряд новых союзов. Так, возникает союз служащих в кредитных учреждениях Москвы, союз драпировщиков-обойщиков, союз столяров и союз преподавателей средней школы.

— Сегодня в Петербург выезжает депутация от московских высших учебных заведений с целью разрешения здесь вопроса о начале учебных занятий в упомянутых заведениях.

— Студенты московской духовной академии заявили, что не начнут занятий, пока в академии не будет введена автономия. Ожидают, что занятия в московской духовной академии в текущем учебном году не возобновятся.

— Попечитель московского учебного округа, г. Шварц, внял наконец, единодушному желанию своих подчиненных и по телеграфу отправил в министерство ходатайство об отставке.

— Вчера состоялось общее собрание старост московских биржевых артелей. Из 37 биржевых артелей, имеющих в общей сложности более 5.000 членов, 34 прислали своих представителей. На обсуждение собрания был поставлен вопрос об организации союза биржевых артелей. Единодушно было признано, что такой союз является необходимой и неотложной потребностью. Затем был поднят вопрос об объединении всех существующих в России биржевых артелей. Решено приступить к разработке устава объединенных артелей и с этой целью учредить комиссию, в состав которой пригласить компетентных лиц и юристов.

— Московская городская управа сняла зимний театр „Аквариум" с целью предоставить театр для собраний и митингов. Театр будет сдаваться безвозмездно не только городским служащим, но и всем желающим. Митинги начнутся с сегодняшнего дня. Все дни уже разобраны на неделю вперед. Будут митинги столяров, плотников и ремесленников разных цехов.

— Об избрании помощником ректора московского университета нам передают следующие подробности: записками были предложены следующие кандидаты: проф. В. И. Вернадский и М. К. Любавский. Последний от баллотировки отказался. После подсчета голосов оказалось, что проф. Вернадский избран 56 голосами против 19. Избрание было встречено рукоплесканиями.

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Отзвуки погромов.

Владимир, 26 октября (СПА).—Депутация от окружного суда заявила прокурору о необходимости расследования погрома. Дума единогласно просит прокурора о гласном расследовании погрома, с участием представителя думы. В воскресенье в народном доме состоялся митинг, прошедший спокойно.

Киев, 26 октября (СПА).—Вчера происходило собрание купцов под председательством купеческого старосты Чоколова. Обсуждался вопрос об облегчении участи купцов-евреев, пострадавших от погрома. Постановлено организовать специальный комитет для этой цели; уполномочить Чоколова быть официальным представителем интересов пострадавших, ходатайствовать о сложении с них казенных налогов и отсрочке городских платежей.

Одесса, 25 октября (СПА).—Дума постановила образовать особую комиссию для собирания и выяснения заявлений пострадавших и свидетелей на основании точных данных и ходатайствовать о возбуждении судебного преследования против виновных. Дума ассигновала 25.000 рублей в пользу пострадавших от беспорядков и 10.000 рублей на организацию охраны городских зданий и поддержание порядка в городе.

В редакциях всех газет организован комитет для сбора пожертвований в пользу пострадавших.

На бирже состоялось совещание представителей торговли. Постановлено обратиться к управлению железных дорог и обществу пароходства с просьбой не принимать перевозки товаров без фактуры и удостоверения самоличности грузителя, органи-

зовать комитет из представителей банкирских учреждений для оказания кредита пострадавшим фирмам.

Сегодня похоронено около 200 опознанных трупов.

Васильков, 25 октября (СПА).—Тревожные дни прошли, еврейское население начинает успокаиваться.

Новгород-Северск, 25 октября (СПА).—Сегодня состоялось заседание городской думы. Был прочитан манифест и решено в целях охраны ходатайствовать о присылке на постоянный постой казаков. Организуются ночные патрули из местных домовладельцев. В городе спокойно.

Новороссийск, 25 октября (СПА).—По городу расклеено воззвание гласных думы, приглашающее население к мирному восприятию дарованной свободы. Воззвание заканчивается следующими словами: „В свободной отныне России не должно быть произвола, насилий и бесправия. Свободные граждане должны строго и по совести соблюдать законы страны, пока они не заменены новыми. Довольно жертв! Довольно крови!"

Симферополь, 25 октября (СПА).—Город принял обычный вид. Большая часть войск с улиц снята. Следы погрома уничтожаются. Еврейские лавки открылись.

Мозырь, 25 октября (СПА).—Во вчерашнем собрании представителей города, социал-демократической организации и русской партии дано обоюдное обязательство мирного сожительства еврейского и русского населения. Фабрики и железная дорога принялись работать.

Иваново-Вознесенск, 25 октября (СПА).—Погромы стихают, фабрики стали работать. Почти все евреи уехали из города.

Елисаветград, 25 октября (СПА).—Избран комитет по оказанию помощи пострадавшим от беспорядков. Магазины открыты. Город успокаивается.

Освобождения политических.

Васильков, 25 октября (СПА).—Освобождены 8 политических арестованных. В местечке Ракитном начавшийся погром немедленно остановлен.

Херсон, 25 октября (СПА).—В городе спокойно. Освобождено 47 политических заключенных.

Минск, 25 октября (СПА).—Из тюрьмы освобождено 16 политических арестованных.

Возобновляется издание газеты „Северо-Западный Край" в прежнем составе сотрудников.

Забастовки и демонстрации.

Ишим, 26 октября (СПА).—По приглашению управы вчера на площади в присутствии всех учащихся и многочисленной публики отслужен молебен по случаю манифеста о даровании свободы. Затем по требованию публики отслужена панихида в память погибших борцов за свободу. Публика пропела вечную память и „боже, царя храни". Были речи. Собрание закончилось шествием по главным улицам с пением. Вечером была устроена иллюминация.

Варшава, 26 октября (СПА).—После общей забастовки вчера впервые появились в Варшаве извозчики. Сегодня открыты магазины; на Привислинских и Варшаво-Венской дорогах движение не возобновлялось. Конки, телефоны и аптеки пока бездействуют.

Пенза, 26 октября (СПА).—Прекратившееся вследствие забастовки пассажирское движение Ряжск-Рузаевка-Ртищево восстановилось.

Гельсингфорс, 26 октября (СПА).—По постановлению университетского совета, занятия и лекции в университете вчера возобновились. Студенты политехнического института на общей сходке постановили уведомить совет о прекращении ими забастовки. Все школы возобновили вчера свою деятельность.

Воронеж, 25 октября (СПА).—На юго-восточных железных дорогах правильное пассажирское движение восстановлено с 24 октября, и в ночь с 24 на 25 октября введено в действие зимнее расписание движения пассажирских поездов.

Мало-Архангельск, 25 октября (СПА).—Объявление манифеста 17 октября отпраздновано торжественно. Вечером состоялся банкет с речами. Публикой была пропета вечная память погибшим за идею освобождения борцам.

Юрьев, 25 октября (СПА).—Жизнь города вошла в обычную колею.

Иркутск, 24 октября (СПА).—После десяти дней забастовки железнодорожное сообщение с Россией возобновилось экспрессом, вышедшим отсюда в полдень. За ним отправлен задержанный вчерашний почтовый.

В Иркутске сосредоточено несколько сот человек, принадлежащих к составу Красного Креста и задержанных здесь забастовкою дороги.

В Иркутске полное спокойствие.

Самооборона и милиция.

Москва, 26 октября (СПА).—Сегодня дума отклонила большинством всех против 10 голосов учреждение городской милиции.

Сегодня возвратились делегаты, посланные думой к графу С. Ю. Витте. Граф обещал принять все меры к успокоению умов.

Виндава, 26 октября (СПА).—Здесь образуется самооборона, состоящая из представителей всех слоев общества для защиты жизни и имущества.

Рига, 25 октября (СПА).—День прошел спокойно. Студенческая самооборона дежурит в еврейском предместье.

Сызрань, 25 октября (СПА).—В экстренном заседании дума, в ознаменование манифеста 17 октября, постановила освободить всех учащихся от платы во всех городских школах.

Одесса, 26 октября (СПА).—Городская дума обратилась к населению с воззванием, в котором просит успокоиться и найти в себе твердость, чтобы прекратить горе, облегчить несчастных и возвратиться к труду, взаимной помощи и сознательной работе на началах гражданской свободы.

Управа, принимая во внимание, что спокойствие в городе не вполне установилось, обратилась к командующему войсками с просьбой назначить охрану в местах, где размещены жители, пострадавшие от погрома.

Местный отдел академического союза решил собрать весь материал, относящийся к беспорядкам. Специальная комиссия отдела решила лично представить графу С. Ю. Витте этот материал с указанием виновников погрома.

Прокурор окружного суда просит всех жителей города, бывших очевидцами преступлений во время беспорядков, заявлять ему или судебным следователям об этом.

Пожертвования в пользу пострадавших поступают в большом количестве.

Население понемногу успокаивается. В гавани возобновился подвоз товаров и погрузка товаров на пароходы. Заграничные хлебные фирмы заявили, что согласны покупать только хлеб, находящийся в пути.

Чернигов, 26 октября (СПА).—(Оф. корр.)—Начались аграрные беспорядки в уездах Нежинском, Суражском, Козелецком, Черниговском, Городнянском, Новозыбковском, Сосновицком.

Антиеврейские беспорядки продолжаются в некоторых уездах. Войск, находящихся в распоряжении властей, недостаточно.

Ревель, 26 октября (СПА).—В состоявшихся сегодня собраниях рабочих решено возобновить работы на всех фабриках и заводах завтра утром.

В уезде образовалось несколько шаек из лиц пришлого элемента, пытающихся поднимать население против помещиков. Одной из таких шаек уничтожена плотина в имении Костифер: произведен погром в имении Руиль. Близ станции „Лахт" сформировалась другая шайка, угрожающая окрестным имениям. Приняты энергичные меры к рассеянию шайки и задержанию злоумышленников.

Нижний-Новгород, 26 октября (СПА). — Дума в экстренном собрании образовала комитет с целью умиротворения партий и выработки воззвания к населению о спокойной работе. В городе до сих пор благополучно. Дума по этому поводу совершила благодарственный молебен.

Кострома, 26 октября (СПА). — Судебное следствие о побоище 19 октября идет спешно. Является масса лиц, желающих давать показания. В силу манифеста освобождены из тюрьмы 5 политических заключенных, в том числе двое приговоренных судом и трое находившихся под следствием.

Екатеринбург, 26 октября (СПА). — Восстановилось полное спокойствие. Начато энергичное следствие по поводу последних событий.

Батум, 26 октября (СПА). — Закрыты все учебные заведения, банки, конторы и магазины. Прибывшие пароходы уходят, не выгружая, не нагружая товаров; некоторые стоят на рейде. Генерал-губернатор созвал по этому поводу совещание с купцами и промышленниками. Прибыло военное судно „Донец“.

Валки, 26 октября (СПА). — Губернатор просит предводителя дворянства принять меры к широкому ознакомлению населения с манифестом 17 октября и успокоению общества.

Рыбинск, 26 октября (СПА). — Сегодня в 12 ч. прекратилась забастовка железнодорожных мастерских. Устанавливается правильное движение поездов по линии Рыбинск — Бологое.

Измаил, 26 октября (СПА). — Произведенный еврейский погром прекращен пограничной стражей.

Екатеринослав, 26 октября (СПА). — Железнодорожное движение восстановлено. Трамвай бастует. В городе спокойно. Раз'езжают патрули.

Киев, 26 октября (СПА). — Войска, охранявшие политехникум, сняты, и доступ туда студентам открыт. Университет попрежнему охраняется войсками.

Во вчерашнем заседании центрального комитета по оказанию помощи пострадавшим от погрома среди присутствующих собрано по подписке 250.000 рублей.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Нью-Иорк, 25 октября (7 ноября) (СПА). — Состоялся многолюдный митинг, организованный здешним еврейским обществом. Образован комитет для сбора пожертвований в пользу евреев в России, пострадавших от погрома. В этот фонд уже поступило 56.800 долл. от лиц различных вероисповеданий, но преимущественно от евреев. Из Лондона, Парижа и Берлина получены телеграммы с выражением желания организовать международное общество для помощи пострадавшим от погрома евреям. Распределять пособие предполагается через британских дипломатических агентов.

Париж, 25 октября (7 ноября) (СПА). — На состоявшемся в Елисейском дворце заседании совета министров решено назначить выборы для частичного обновления сената на 25 декабря (Гавас).

Лондон, 25 октября (7 ноября) (СПА). — В помещении банкирской конторы лорда Ротшильда состоялось сегодня после полудня собрание выдающихся представителей еврейского общества; решено, что русско-еврейский комитет выпустит воззвание о пожертвованиях в пользу фонда для вспомоществования евреям, явившимся жертвами беспорядков в России (Рейтер).

Лондон, 25 октября (7 ноября) (СПА). — „Королевское общество“ назначило в нынешнем году медаль профессору Д. И. Менделееву за его заслуги в области химии и физики.

Решт, 26 октября (СПА). — Сообщенное „Закаспийскому Обозрению“ из Энзели сведение, будто в северной Персии, под влиянием духовенства, персы бойкотируют армян — неверно. Отношения персов к армянам попрежнему прекрасны.

Нью-Иорк, 25 октября (7 ноября) (СПА). — Из Каракаса передают слух, что французский уполномоченный в делах покинул Венецуэлу (Рейтер).

К вопросу о Совете Депутатов.

26 октября состоялось соединенное собрание членов районных комитетов фракций большинства и меньшинства социал-демократической партии по вопросу об отношении к Совету Рабочих Депутатов. Как известно, в состав Совета входят выбранные от фабрик и заводов Петербурга рабочие, которых можно разделить на три группы: социал-демократов, „беспартийных“ и весьма незначительную группу — „социалистов-революционеров“.

„Беспартийные“ большею частью стоят бессознательно на социал-демократической точке зрения, голосуя за все социал-демократические резолюции. Благодаря этому последние принимались Советом все время огромным большинством голосов. „Известия Рабочих Депутатов“ также носят характер социал-демократического органа, все статьи писались в нем социал-демократами. Таким образом, фактическими руководителями Совета являются социал-демократы. Но по отношению к партии Совет занимает, однако, весьма странное положение, ибо, будучи, с одной стороны, фактически социал-демократическим, он в то же время не стоит ни в каких обязательных отношениях к партии. В боевой момент проведения всеобщей стачки этот вопрос не стоял перед Советом, который в сущности был стачечным комитетом, но теперь в самом Совете возникает вопрос, к какой партии он должен примыкать. На состоявшемся на-днях заседании Федеративного Совета фракций большинства и меньшинства была вынесена единогласно резолюция в том смысле, что Совет Рабочих Депутатов, если он предполагает играть политическую роль, а не ограничивает свою деятельность известными, совершенно определенными, конкретными функциями, — должен стать под руководство Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Вчерашнее собрание целиком было посвящено вопросу о том, как провести эту резолюцию в жизнь. Представители фракции „меньшинства“ прежде всего заявили, что резолюция Федеративного Совета для них не обязательна, так как она не утверждена районными комитетами. Признавая затем необходимость придать Совету социал-демократическую окраску, представители меньшинства рекомендовали не торопиться превратить Совет в партийную организацию, советуя „замять“ вопрос о характере Совета, если б он даже возник в самом Совете.

Представители фракции „большинства“, напротив, полагали, что не дело социал-демократов „заминать“ вопросы и что, так как в Совете вопрос о том, чем он должен быть, уже поставлен на очередь, то социал-демократы должны отстаивать в нем ту точку зрения, что раз он хочет быть политической организацией, — он должен признать руководство Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. „Беспартийным“ Совет мог бы быть только в том случае, если б он превратился в профессиональную организацию, созданную для осуществления известных конкретных целей, или преследовал бы определенные соглашения между различными организациями в целях борьбы.

По окончании обсуждения резолюции Федеративного Совета с принципиальной ее стороны, была внесена от имени Фед. Сов. резолюция практического характера

В ней рекомендовалось: 1) устроить ряд митингов для выяснения значения социал-демократической партии как единственной руководительницы классовой борьбой пролетариата, 2) устроить порайонные собрания членов районных комитетов фракций большинства и меньшинства и районных депутатов социал-демократов с целью выяснения вопроса, на каких заводах следует устроить дополнительные выборы или переизбрания, наметив совместно общих кандидатов, 3) образовать в Совете Рабочих Депутатов социал-демократический blос.

Уже после того, как резолюция была поставлена на голосование, представители меньшинства заявили, что собрание является неправоспособным, так как на нем присутствуют не все члены районных комитетов фракции меньшинства. В виду этого представители меньшинства отказались от голосования. Оставшимися членами районных комитетов резолюция Федеративного Комитета была принята единогласно.

Из записной книжки хроникера.

14 октября.

Петербург разделяется на 4 военных района с 4-мя генералами во главе. Каждый генерал получает широкие полномочия насчет стрельбы.

— К забастовке примыкает большинство страховых обществ, банков и частных контор.

— Закрываются все средние учебные заведения и школы.

— Шансы графа А. П. Игнатьева на премьерство растут.

— В некоторых частях города перестает действовать водопровод.

— На Невском от Николаевского вокзала до Казанского собора гаснет электричество.

— На улицах патрули.

— В большинстве театров представления отменяются.

— В университете митинги: писателей, конторщиков, железнодорожников, инженеров, рабочих, студентов, гимназистов, реалистов и мн. др.

— Митинги: в технологическом институте, на высших женских курсах, в академии художеств, на курсах Лесгафта и в др. уч. зав.

— Наборщики бастуют.

— По Николаевской жел. дор. пришли 3 поезда.

— Телефонное сообщение в городе прекращается.

— 17 союзов примыкают к забастовке.

— 4 члена союза инженеров: Ковалев, Макаров, Готлиб и Кирпичников арестованы.

— Союз мастеров и техников бастует.

— Приказ „патронов не жалеть" бездействует.

15 октября.

— Бастуют аптеки. В аптеках Сергиевской, Спасопреображенской, Владимирской и у Каменного моста разбиты окна, после чего они закрываются.

— Бастуют мировые судьи, окружный суд и палата.

— Забастовали учителя всех женских институтов.

— В военно-медицинской академии организуются санитарные отряды.

— Санитарные отряды формируются в женском институте, на высших женских курсах и в других уч. зав.

— Военный министр закрывает военно-медицинскую академию.

— Высшие женские курсы и женский медицинский институт закрываются.

— На фабрике Пельцера убит 1 рабочий, ранено 2 солдата.

— На митинге рабочих Обуховского завода постановлено не давать продовольствия казакам.

— Служащие сената и государственной типографии бастуют.

— Численность патрулей увеличивается.

— Шансы Витте падают.

— Приказ „патронов не жалеть" бездействует.

16 октября.

— Служащие Государственного банка бастуют.

— Весь город в войсках.

— Технологический институт осаждается по всем правилам военного искусства, в осажденном институте 83 студента и профессор.

— Бастуют: главная телефонная станция, электрические о-ва: Сименс и Гальске, Шуккерт и „Надежда".

— Солдаты, работающие на электрических станциях, обратились к рабочим с просьбой снять их.

— Забастовала Финляндская жел. дор.

— Войскам, исполняющим патрульную службу, увеличивается содержание.

— Приказ „патронов не жалеть" бездействует.

17 октября.

— Забастовка растет.

— Улицы переполняются войсками.

— Все учебные заведения осаждаются войсками.

— Войска на улице прибывают.

— Вечером об'явлен манифест.

— Приказ „патронов не жалеть" начинает действовать.

— Осажденный технологический институт подвергался обстрелу.

— Граф Витте начинает принимать депутации.

— Вышел 1-й номер „Известий Совета Рабочих Депутатов".

— Манифест расклеивается на улицах.

18 октября.

— Народ огромными толпами с красными флагами приветствует свободу.

— Войска успокаивают публику шашками и пулями.

— Граф Витте принимает депутацию.

— Приказ „патронов не жалеть" действует crescendo.

— Черносотенцы и хулиганы избивают свободных граждан.

— У технологического института стрельба усиливается.

— Граф Витте принимает еще одну депутацию.

— Конногвардейцы работают шашками.

— Типография „Сын Отечества" подвергается тщательному обыску.

— Корнет Фролов наносит 3 раны проф. Е. В. Тарле.

19 октября.

— Манифест о свободах заклеивается Треповским приказом, подтверждающим готовность расстреливать.

— Из автономного университета изгоняется публика и тут же избивается.

— Все высшие учебные заведения закрываются; у входа стража.

— На Выборгской стороне резня; убитых и раненых около 200 человек.

— Граф Витте принимает 4 депутации.

— Приказ „патронов не жалеть" действует во-всю.

20 октября.

— Треповский „манифест" заклеивается правительственным сообщением, возвещающим, что пока действуют старые законы.

— Черная сотня „работает", поощряемая полицией.

— Граф Витте принимает депутации и говорит „не как граф, а как русский человек".

— Приказ „патронов не жалеть" действует.

21 октября.

— Весь город в войсках.

— Резня утихает.

— Граф Витте ведет газетные разговоры „не как граф"...

— Черная сотня работает.

— Апраксинцы и сенновцы организуются.

— Прием депутаций у графа Витте продолжается.

22 октября.

— Обнародована амнистия.

— Манифестанты с белыми флагами получают царскую благодарность за патриотические чувства.

— Рабочий Совет назначает торжественные похороны погибших на улицах.

— Трепов напоминает о патронах.

— Граф Витте ищет министров и принимает депутации.

— Рабочий Совет отменяет похороны, заявляя, что даст сражение, когда пролетариат подготовится.

— Таганцев отказался от портфеля министра народного просвещения.

23 октября.

— Невский с утра переполняется народом.

— Войска и патрули спрятались внутри дворов.

— Витте ищет министров.

— По распоряжению администрации погром черной сотни отложен.

— А. Постников отказывается от портфеля министра народного просвещения.

— Патрули появляются на улицах.

— Треповский приказ „патронов не жалеть" бездействует.

24 октября.

— Черная сотня деятельно подготовляется.

— Витте ищет министров.

— Патрули оставляют улицы и размещаются внутри домов.

— А. Ф. Кони отказывается от портфеля министра народного просвещения.

— Вечерние газеты назначают новых министров.

— Витте заявляет, что он хотя и говорил, но собственно ничего не говорил.

— Трепов собирается уйти.

25 октября.

— Газеты окончательно назначают министров.

— Кн. Е. Н. Трубецкой собирается отказаться от портфеля министра народного просвещения.

— Патрули на улицах и в домах.

— Трепов не уходит.

— Витте ищет министров.

— Витте переезжает в запасный дворец.

26 октября.

— Кн. Е. Н. Трубецкой еще не отказался от портфеля.

— Ищут министров.

— Газеты делают 7-ую перетасовку министров „по самым достоверным сведениям".

— Трепов уходит, но не скоро.

Л. Львов.

Хроника.

— На одном из своих последних заседаний соединенное собрание центрального и местных бюро Союза союзов приняло следующее постановление:

„В Центральный Комитет Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии.

„Соединенное собрание центрального и местных бюро Союза союзов с глубокой скорбью узнало о смерти даровитого и стойкого борца за счастье и свободу народа, Николая Эрастовича Баумана.

„Собрание шлет выражение своего сочувствия Партии, выдающимся членом которой был покойный".

— К убийству М. Ю. Гольдштейна. На запрос супруги М. Ю. Гольдштейна к управляющему губернией ген. Храповицкому, последний ответил: „М. Ю. Гольдштейн 19 октября, во время столкновения двух партий, избит, при чем скончался в тот же день от полученных увечий".

— Кровавые события, которыми ознаменовались первые дни после обнародования манифеста о свободе и неприкосновенности личности, вызвали уже сильную реакцию. Быстрый переход от минутной радости к сознательному возмущению борющихся масс реально обрисовался среди поляков. Недоверие к манифесту вызвало между представителями двух несовместимых польских политических партий — социалистов (п. п. с.) и национал-демократов (н. д.) переговоры об объединении для совместной усиленной борьбы.

— Трепов ушел. 26-го вечером ген. Трепов подал в отставку. Отставка принята.

— Московский митрополит Владимир уходит на покой.

— О „Крестах". До опубликования амнистии все петербургские тюрьмы были заполнены политическими преступниками. На Выборгской стороне, в так называемых „Крестах", политическими была заполнена даже домовая церковь. На дверях церкви был вывешен аншлаг, гласивший, что „по случаю ремонта церковь закрыта".

— Министр юстиции С. С. Манухин по соглашению с министром внутренних дел вошел в Государственный Совет с новым законопроектом для установления уголовной ответственности за распространение ложных сведений о деятельности правительственных установлений и должностных лиц. По мнению Манухина, в настоящее время распространение таких сведений законом не карается.

— За период всеобщей забастовки из военных учебных заведений — кадетских и пажеского корпусов — уволено несколько воспитанников, открыто высказавших свою солидарность во взглядах, проводившихся в других забастовавших

Приложение к № 1.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

ПРОГРАММА

Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, принятая на втором с'езде Партии.

Развитие обмена установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным.

Считая себя одним из отрядов всемирной армии пролетариата, российская социал-демократия преследует ту же конечную цель, к которой стремятся социал-демократы всех других стран.

Эта конечная цель определяется характером современного буржуазного общества и ходом его развития.

Главную особенность такого общества составляет товарное производство на основе капиталистических производственных отношений, при которых самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по своей численности классу лиц, между тем как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т.-е. поступать в наемники к капиталистам и своим трудом создавать доход высших классов общества.

Область господства капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по мере того, как постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяйственное значение крупных предприятий, ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей, превращая часть их в пролетариев, суживая роль остальных в общественно-экономической жизни и местами ставя их в более или менее полную, более или менее явную, более или менее тяжелую зависимость от капитала.

Тот же технический прогресс дает, кроме того, предпринимателям возможность все в больших размерах применять женский и детский труд в процессе производства и обращения товаров. А так как, с другой стороны, он приводит к относительному уменьшению потребностей предпринимателей в живом труде рабочих, то спрос на рабочую силу необходимо отстает от ее предложения, вследствие чего увеличивается зависимость наемного труда от капитала и повышается уровень его эксплоатации.

Такое положение дел внутри буржуазных стран и постоянно обостряющееся взаимное их соперничество на всемирном рынке делают все более и более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возрастающем количестве. Перепроизводство, проявляющееся в более или менее острых промышленных кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, представляет собою неизбежное следствие развития производительных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды промышленного застоя, в свою очередь, еще более разоряют мелких производителей, еще более увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному, а иногда и к абсолютному ухудшению положения рабочего класса.

Таким образом, усовершенствование техники, означающее увеличение производительности труда и рост общественного богатства, обусловливает собою в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими и рост необеспеченности существования, безработицы и разного рода лишений для все более широких слоев трудящихся масс.

Но по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также и недовольство трудящейся и эксплоатируемой массы существующим порядком вещей, растет число и сплоченность пролетариев и обостряется борьба их с их эксплоататорами. В то же время усовершенствование техники, концентрируя средства производства и обращения и обобществляя процесс труда в капиталистических предприятиях, все быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений социалистическими, — т.-е. той социальной революции, которая представляет собою конечную цель всей деятельности международной социал-демократии, как сознательной выразительницы классового движения пролетариата.

Заменив частную собственность на средства производства и обращения общественною и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплоатации одной части общества другою.

Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т.-е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплоататоров.

Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию, международная социал-демократия организует его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем бур-

жуазным партиям, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед ним непримиримую противоположность интересов эксплоататоров интересам эксплоатируемых и выясняет ему историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции. Вместе с тем она обнаруживает перед всей остальной трудящейся и эксплоатируемой массой безнадежность ее положения в капиталистическом обществе и необходимость социальной революции в интересах ее собственного освобождения от гнета капитала. Партия рабочего класса — социал-демократия — зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплоатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата. На пути к их общей конечной цели, обусловленной господством капиталистического способа производства во всем цивилизованном мире, социал-демократы разных стран вынуждены ставить себе неодинаковые ближайшие задачи как потому, что этот способ не везде развит в одинаковой степени, так и потому, что ее развитие в разных странах совершается в различной социально-политической обстановке.

В России, где капитализм уже стал господствующим способом производства, сохранились еще очень многочисленные остатки нашего старого докапиталистического порядка, который основывался на закрепощении трудящихся масс помещикам, государству или главе государства. В сильнейшей степени препятствуя экономическому прогрессу, эти остатки не допускают всестороннего развития классовой борьбы пролетариата, содействуют сохранению и усилению самых варварских форм эксплоатации многомиллионного крестьянства государством и имущими классами и держат в темноте и бесправии весь народ.

Самым значительным из всех этих пережитков и самым могучим оплотом всего этого варварства является царское самодержавие. По самой природе своей оно враждебно всякому общественному движению и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата.

Поэтому Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой, конституция которой обеспечивала бы:

1) Самодержавие народа, т. е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату;

2) Всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборах как в законодательное собрание, так и во все местные органы самоуправления для всех граждан и гражданок, достигших 20 лет; тайное голосование при выборах; право каждого избирателя быть избранным во все представительные учреждения; двухгодичные парламенты; жалованье народным представителям;

3) Широкое местное самоуправление; областное самоуправление для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения;

4) Неприкосновенность личности и жилища;

5) Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов;

6) Свободу передвижения и промыслов;

7) Уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан, независимо от пола, религии, расы и национальности;

8) Право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием на счет государства и органов самоуправления необходимых для этого школ; право каждого гражданина об'ясняться на родном языке на собраниях; введение родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях;

9) Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства;

10) Право каждого лица преследовать в обычном порядке перед судом присяжных всякого чиновника;

11) Выборность судей народом;

12) Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа;

13) Отделение церкви от государства и школы от церкви;

14) Даровое и обязательное общее и профессиональное образование для всех детей обоего пола до 16 лет; снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.

Как основного условия демократизации нашего государственного хозяйства, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия требует **отмены косвенных налогов и установления прогрессивного налога на доходы и наследства.**

В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также и в интересах развития его способности к освободительной борьбе, Партия требует:

1) Ограничения рабочего дня восемью часами в сутки для всех наемных рабочих;

2) Установления законом еженедельного отдыха, непрерывно продолжающегося не менее 42 часов, для наемных рабочих обоего пола во всех отраслях народного хозяйства;

3) Полного запрещения сверхурочных работ;

4) Воспрещения ночного труда (от 9 ч. вечера до 6 ч. утра) во всех отраслях народного хозяйства, за исключением тех, где он безусловно необходим по техническим соображениям, одобренным рабочими организациями;

5) Воспрещения предпринимателям пользоваться трудом детей в школьном возрасте (до 16 лет) и ограничения рабочего времени подростков (16—18 лет) 6-ю часами;

6) Воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма; освобождения жен-

щин от работы в течение 4-х недель до и 6-ти недель после родов, с сохранением заработной платы в обычном размере за все это время;

7) Устройства при всех заводах, фабриках и других предприятиях, где работают женщины, яслей для грудных и малолетних детей; освобождения женщин, кормящих ребенка, от работы не реже, чем через три часа, на время не менее, чем на полчаса;

8) Государственного страхования рабочих на случай старости и полной или частичной потери способности к труду за счет специального фонда, составленного путем особого налога на капиталистов;

9) Воспрещения выдачи заработной платы товарами; установления еженедельного срока расплаты деньгами по всем без исключения договорам о найме рабочих и выдачи заработка в рабочее время;

10) Запрещения предпринимателям производить денежные вычеты из заработной платы, по какому бы поводу и для какого бы назначения они ни делались (штрафы, браковка и проч.);

11) Назначения достаточного количества фабричных инспекторов во всех отраслях народного хозяйства и распространения надзора фабричной инспекции на все предприятия, употребляющие наемный труд, не исключая казенных (труд домашней прислуги входит также в сферу этого надзора); назначения инспектрис в тех отраслях, где применяется женский труд; участия выбранных рабочими и оплаченных государством представителей в надзоре за исполнением фабричных законов, а также за составлением расценков, приемкой и браковкой материала и результатов работы;

12) Надзора органов местного самоуправления, с участием выборных от рабочих, за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых рабочим предпринимателями, равно как за внутренним распорядком этих помещений и за условиями отдачи их в наймы, — в целях ограждения наемных рабочих от вмешательства предпринимателей в жизнь и деятельность их как частных лиц и граждан;

13) Учреждения правильно организованного санитарного надзора во всех предприятиях, употребляющих наемный труд, при полной независимости всей врачебно-санитарной организации от предпринимателей; бесплатной медицинской помощи для рабочих за счет предпринимателей, с сохранением содержания во время болезни;

14) Установления уголовной ответственности нанимателей за нарушение законов об охране труда;

15) Учреждения во всех отраслях народного хозяйства промысловых судов, составленных поровну из представителей от рабочих и предпринимателей;

16) Возложения на органы местного самоуправления обязанности учредить посреднические конторы по найму местных и пришлых рабочих (биржи труда) во всех отраслях производства, с участием в их управлении представителей от рабочих организаций.

В целях же устранения остатков крепостного порядка, которые тяжелым гнетом лежат непосредственно на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне Партия требует прежде всего:

1) Отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство как на податное сословие;

2) Отмены всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей;

3) Возвращения крестьянам денежных сумм, взятых с них в форме выкупных и оброчных платежей; конфискации с этой целью монастырских и церковных имуществ, а также имений удельных, кабинетских и принадлежащих лицам царской фамилии, а равно обложения особым налогом земель землевладельцев-дворян, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ;

4) Учреждения крестьянских комитетов: а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или — в том случае, если земли переходили из рук в руки, — выкупа государством за счет крупного дворянского землевладения) тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для их закабаления; б) для передачи в собственность крестьян на Кавказе тех земель, которыми они пользуются, как временно-обязанные, хизаны и проч.; в) для устранения остатков крепостных отношений, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и в других областях государства;

5) Предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

Стремясь к достижению своих ближайших целей, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка, решительно отвергая в то же время все те реформаторские проекты, которые связаны с каким бы то ни было расширением или упрочением полицейско-чиновничьей опеки над трудящимися классами.

С своей стороны, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия твердо убеждена в том, что полное, последовательное и прочное осуществление указанных политических и социальных преобразований достижимо лишь **путем низвержения самодержавия** и **созыва Учредительного Собрания**, свободно избранного всем народом.

ГОД ПЕРВЫЙ.
№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГ.
ПЯТНИЦА, 28 ОКТЯБРЯ (10 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

С.-Петербург.

28-го октября.

Пункт 2-й манифеста 17 октября говорит: „Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, по мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив, засим, дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку".

Таким образом, правительство не только не отказывается от мысли созвать Государственную Думу, отвергнутую с негодованием русским пролетариатом, но даже намерено предоставить ей некоторые права Учредительного Собрания.

Расчет здесь довольно ясен. По закону 6 августа Государственная Дума должна была состоять исключительно из „цензовиков" — крупных и мелких землевладельцев и капиталистов. Пролетариату не дано было в ней места. Это — понятно. Правительство имело полное основание рассчитывать на „благонамеренность" буржуазии, хотя бы и либеральной, и хорошо знало революционность пролетариата. Теперь, сломленное напором революционного рабочего класса, оно идет на уступки. Оно согласно расширить, „по мере возможности", избирательные права народа.

Но как велика эта мера?

В печать проникли уже сведения о предполагаемых изменениях системы выборов в Государственную Думу. Ценз „квартиронанимателей" будет понижен с X до III разряда, и в столице достаточно платить за квартиру только 40 (!) рублей, чтобы попасть в избиратели. Рабочим также предполагается предоставить в Думе из почти 600 мест — 20. Но выборы все же остаются не всеобщими, не равными, не прямыми и не тайными. „Цензовики" буржуа преобладают попрежнему.

В них правительство видит и ищет своих естественных союзников против революционного народа и, в частности, против рабочего класса, который также естественно стремится под знамя международной социал-демократии. Ведь угроза политического господства пролетариата и призрак социализма одинаково страшны и для правящей и для управляемой буржуазии. Вот почему правительство не очень-то страшится „учредительной" роли цензовой, буржуазной Государственной Думы. Даст ли эта Дума народу всеобщее, равное и прямое избирательное право с тайной подачей голосов — это еще весьма сомнительно. Но если даже и даст, то это все же лучше, чем созыв теперь же Учредительного Собрания, которое может не оставить камня на камне в полуразрушенном здании старого порядка.

И правительство делает явную попытку столковаться с буржуазией. Только такое значение имела беседа Витте с приглашенными им из Москвы представителями конституционно-демократической партии. Правительство предлагает либералам „содействовать", те торгуются относительно реформ. На сей раз либералы запросили Учредительного Собрания на основе всеобщего избирательного права. И Витте ответил, что „правительство не может взять на себя ответственность" за немедленное введение всеобщего избирательного права, в виду происходящих столкновений между различными слоями населения.

Какое реальное значение может иметь эта „нерешительность" правительства? Только одно правительство еще не знает, сыграют ли организованные его агентами погромы роль контр-революции. Если да, то тогда можно обойтись не только без Учредительного Собрания, но, пожалуй, можно вернуться и к абсолютизму.

Во власти пролетариата, во власти революционного русского народа решить этот вопрос. Пролетариат, если хочет обеспечить за собой политические права, дающие возможность бороться за улучшение его экономического положения, бороться за социализм, должен добиться, во что бы то ни стало, созыва Всенародного Учредительного Собрания. Он не может предоставить буржуазии решать за него, какой государственный или общественный порядок учредить в России. Он не может помириться на жалком участии небольшой кучки рабочих в цензовой Думе.

Выгодно для правительства и буржуазии, но не хитро задумано это представительство рабочих в Государственной Думе. Рабочие выбирают путем косвенных выборов только рабочих, как крестьяне выбирают только крестьян. На первый взгляд наивному человеку покажется, что это-то и хорошо, и справедливо: будут настоящие рабочие и настоящие крестьянские представители, а не „интеллигенты". На самом же деле цель такого представительства в том, чтобы помешать политическим партиям, а главным образом социал-демократии, провести своих представителей. Поддадутся ли на эту удочку товарищи-

ГОД ПЕРВЫЙ.
№ 3

С.-ПЕТЕРБУРГ.
СУББОТА, 29 ОКТЯБРЯ
(11 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

29 октября прибудет из Архангельска тело
Михаила Юльевича
ГОЛЬДШТЕЙНА.
Родные и друзья извещают, что перенесение усопшего с Николаевского вокзала на Волково кладбище состоится в 11 часов утра, в субботу, 29 октября.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Наша молодая газета успела уже испытать на себе последствия „свободы слова", возвещенной в манифесте 17 октября и других правительственных актах.

Первый номер „Новой Жизни" полиция отбирала у газетчиков на улицах уже к вечеру его выхода, а в 12 час. ночи в экспедиции газеты было конфисковано 8.000 экземпляров, предназначенных к отправке в провинцию. В 7 час. утра следующего дня инспектор типографий опечатал в типографии газеты матрицу первого номера и уничтожил стереотип. 28-го же октября ред.-изд. Н. М. Минский был вызван к судебному следователю по важнейшим делам и привлечен к суду по 2 части 129 ст. нового уголовного уложения, т. е. за распространение сочинений, возбуждающих к ниспровержению существующего государственного и общественного строя. Судебный следователь, кроме того, передал мировому судье предложение главн. упр. по делам печати о привлечении Н. М. Минского к ответственности за выпуск газеты без пред'явления номеров ее в цензуру, что, по его словам, лишило его возможности конфисковать газету. Мы протестуем против произведенного над нами насилия и отдаем на суд всего общества попытку администрации заставить молчать свободный голос социал-демократического органа печати.

С.-Петербург.

29-го октября.

Ближайшие задачи в деревне.

Пролетарское социал-демократическое движение с особенной силой проявилось в городах. Это естественно. Капитализм собрал здесь громадную армию рабочих, об'единенных классовым стремлением борьбы с эксплоатацией и организованных самим производством в фабричные и заводские батальоны и полки. Но городские рабочие лишь авангард всего пролетариата страны, гвардия народа, борющегося за свое освобождение. Для России, с ее громадной массой сельского населения, которое до сих пор насильственно удерживается в тисках полукрепостного состояния и потому недостаточно еще дифференцировалось в классовом отношении, это особенно верно. Но напрасно было бы думать, что освободительное движение не проникло в деревню. Социал-демократия нашла себе благодарную почву и в деревне.

Однако, здесь условия деятельности иные, чем в городах. И не только потому, что сельское население разбросано территориально и не об'единено работой в одной мастерской. Крестьянство не представляет собой одного класса. Оно распадается на несколько слоев с различными классовыми интересами. Деревенская беднота целиком принадлежит к пролетариату, хотя она сознает свои классовые интересы менее, чем городские рабочие. Наоборот, деревенские „богатеи" — типичные буржуа, со всей их реакционностью и тупостью ко всему, что не касается их кармана. Между этими двумя слоями находится третий, промежуточный — крестьян-„середняков", не утративших еще окончательно хозяйственной самостоятельности и не получивших еще возможности эксплоатировать труд своих собратий. Представители этого слоя находятся в неустойчивом равновесии. Их идеал — „земелица", округление своих владений, расширение своего хозяйства, словом, идеал мелкого буржуа. И „удача" всегда переводит такого крестьянина-хозяина в разряд богатеев — „кулаков". Но идеал — одно, а действительность — другое. „Удача" бывает редко, а несчастье, можно сказать, подстерегает крестьянина из-за всех углов его трудной жизни. Пожар, скотский падеж, неурожай, болезнь или смерть работника — все губит слабое крестьянское хозяйство и из „самостоятельного" делает его „батрацким", пролетарским.

Но все слои крестьянства скованы общими цепями низшего, не полноправного сословия, прикрепленного к земле, которую крестьяне должны обрабатывать не только в силу экономической необходимости, но и в с и л у п р я м о й о б я з а н н о с т и, наложенной на них государством. Крестьяне — это полукрепостные государства, которыми управляет все тот же „барин" добрых старых времен в лице земского начальника, станового пристава, податного инспектора и прочего многочисленного большого и малого начальства. Начальство это вольно, как и в крепостную старину, над свободой и честью крестьянина и в праве вмешиваться в его хозяйственную и даже семейную жизнь. Словом, это самая настоящая крепостная опека.

Мало этого, крестьянство — до сих пор „податное" сословие. Кроме косвенных налогов, тяжким бременем лежащих на всем многомиллионном трудящемся народе, крестьяне платят много прямых налогов, платят выкуп за землю, давно уже ими выкупленную, и исполняют натуральные повинности по починке дорог, поставке под „начальство" лошадей, тушению лесных пожаров и проч. Хотя крестьяне прикреплены государством к земле, но отведенное им пространство ее крайне тесно: оно сдавлено кольцом государственных, удельных, церковных и помещичьих земель. Чтобы жить, крестьянин должен работать на этих землях, отдавая их владельцам ту долю продукта, которую те потребуют. Доля эта так велика, что в сравнении с ней прибавочная стоимость, выжимаемая из рабочего фабрикантом, кажется пустяком. Вот почему в деревне царит такая беспросветная нищета, низводящая человека на положение голодного животного. И потому же требование земли так властно и единодушно выражается крестьянами.

Таково положение деревни. Чего же может и должна она ждать от революции? Мы говорили уже, что происходящая в России революция по существу своему буржуазная. Это остается верным, конечно, и для деревни. Уничтожение всех остатков крепостничества в деревне и приобщение ее обитателей к числу свободных, полноправных граждан России, управляющейся самим самодержавным народом, — такова первая ближайшая задача социал-демократии в деревне. Успешное выполнение ее возможно только в том случае, если крестьянство активно и сознательно примкнет к великой освободительной борьбе пролетариата. Для этого в деревнях должны быть организованы крестьянские комитеты, руководство которыми должны взять в свои руки сознательные социал-демократы.

На обязанности этих комитетов будет лежать фактическое установление демократического строя в деревне на место царствующего там теперь начальнического произвола. Они же займутся вопросом об урегулировании на местах земельных отношений. Вопрос же о необходимой для этого экспроприации государственных, удельных, монастырских, церковных и частновладельческих земель и о формах ее может быть решен только Всенародным Учредительным Собранием. Чем скорее будет осуществлена намеченная организация крестьянства, тем прочнее будут завоевания свободы и демократизма в России.

Об организации.

I.

Пережитые дни всеобщей политической забастовки и освободительной борьбы пролетариата показали всему миру высокую степень классовой сознательности русского рабочего и сильно развитое чувство классовой солидарности. Своим открытым выступлением под знаменем социал-демократии он подтвердил тот факт, который никем, кажется, не оспаривался, что русское пролетарское движение, также как и международное, руководится и направляется социал-демократией. И в этом случае, как не раз бывало и раньше, пролетариат выставлял те требования, которые выставляла социал-демократия, подхватывал ее лозунги, руководился ее указаниями; не менее знаменательно это выступление пролетариата и с той стороны, что, несмотря на атмосферу всеобщего сочувствия, которым буржуазные элементы окружали его борьбу, нигде пролетариат не поддался влиянию буржуазной демократии и все время шел своим самостоятельным путем, увлекая за собой все оппозиционные элементы, заставляя их поддерживать свои требования, но ни в коем случае не смешиваясь с ними организационно. На всех собраниях, во всех открытых заявлениях резко звучали те ноты, что пролетариат даже в период буржуазной революции не может верить буржуазии и ее уверениям в полной готовности бороться за демократию, не может и не должен. В октябрьские дни русский рабочий открыто подчеркнул, что он вполне ясно понимает противоположность своих интересов интересам буржуазии и не пойдет на ее удочку, какая бы заманчивая демократическая приманка ни была на ней. Практика первого, действительно общепролетарского, выступления лишний раз показала, что непримиримая политика социал-демократии, вполне вытекающая из анализа классового положения пролетариата в буржуазном обществе, есть единственная возможная для рабочего класса политика.

Теперь, когда широкая волна стачечного движения стихает, когда во многих местах рабочие приступили к работам, и жизнь временно входит в обычную колею, естественно возникает вопрос: какова очередная задача момента, что делать теперь, куда направить силы?

Резолюции федеративного совета Российской С.-Д. Р. Партии и Совета Рабочих Депутатов дают ясный ответ на это. Они говорили, что под напором пролетариата существующий режим пошел на уступки, и теперь пролетариат, прекращая забастовку из соображений тактических, должен направить все силы для использования своих побед в целях дальнейшей борьбы.

Пролетариат должен, опираясь на эти победы, сплотиться, организоваться, вооружиться и готовиться в решительный момент к окончательной атаке. Организоваться, сплотиться, сгруппироваться вокруг пролетарского знамени, создать сплоченную, боевую армию — вот очередная задача дня. Правда, и раньше рабочий класс организовывался, и раньше сознательные его элементы тратили массу сил на привлечение товарищей в ряды пролетарской партии, но все это происходило в маленьком масштабе в подполье. Теперь и масштаб и форма организации должны резко измениться. Теперь должна итти открытая вербовка членов, открытое обсуждение классовых задач пролетариата, открытое выступление членов партии, как таковых. Теперь время сорганизовать широкую массовую партию, и на это должно быть прежде всего направлено внимание всех борцов за рабочее дело. До сих пор социал-демократия имела широкое идейное влияние на пролетариат, он подхватывал ее лозунги, он боролся под ее знаменем. Теперь она должна, пользуясь громадным идейным влиянием, вовлечь в свои ряды, ввести в свою организацию всех стоящих на социал-демократической точке зрения, признающих программу и тактику социал-демократии. Это — очередная задача.

В широких слоях рабочих очень сильно стремление организоваться. В сознании не менее широких слоев пролетариата внедрилась уже идея необходимости быть совершенно независимыми от всяких буржуазных элемен-

тов, итти по своему пролетарскому пути в политике. Почти весь пролетариат видел и видит в социал-демократии, этой партии классовой борьбы пролетариата, единственного вождя пролетарского движения. Теперь остается только это стремление рабочих организоваться и это их признание социал-демократии соединить вместе и создать массовую организацию социал-демократии — широкую партию пролетариата.

Буржуазия уже легализировала свою организацию, уже многие ее слои сгруппировались в открытые политические партии. Не сегодня — завтра они направят свои стопы к пролетариату в целях подчинить его своему влиянию. Делалось это не раз и раньше, но попытки эти всегда терпели крах под напором критики социал-демократии, с одной стороны, и трусливости буржуазных идеологов, неспособных при полицейском режиме развить широкую работу в массах, — с другой. Теперь надо ждать, что попытки эти еще более участятся. Пролетариат должен быть тесно сплочен, хорошо сорганизован и политически высоко развит, чтобы не подпасть под их влияние. Конечно, долго пролетариат по своему социальному положению под влиянием буржуазии не может остаться, но возможность даже временного господства буржуазной идеологии в рядах пролетариата губительно отзовется на успешности дальнейшей борьбы за социализм. Только программа выдержанная, безусловно классовая партийная организация может оградить пролетариат от возможности проникновения в его среду буржуазных влияний. Вот почему очередной задачей для является создание, вокруг имеющихся партийных ячеек, широкой массовой организации рабочих социал-демократов.

Не только открытое выступление пролетариата под знаменем социал-демократии, но и широкое участие всех признающих социал-демократическую программу в партийной организации безусловно необходимо для нашей дальнейшей борьбы.

Уже недопустимо такое положение дел, при котором масса лиц, признающих нашу программу, оставалась вне пределов партии, не входила в ее организацию. Не в интересах освободительной борьбы пролетариата также существование каких бы ни было групп, проводящих социал-демократическую политику, но организационно не связанных с партией. Партия пролетариата должна быть едина, хорошо организована и сплочена. Она должна быть и строго классовой, а следовательно, международной. Такова социал-демократия.

Сознательный пролетарий не может не быть членом этой партии, так как она является единственным выразителем его классовых интересов.

В следующей статье мы коснемся вопроса о желательных формах организации партии.

Б. Радин.

Освобождение.

(Памяти Николая Эрнестовича Баумана.)

За высокие стены и крепкие затворы Таганки к нам все же доносилось веяние живой, свободной, могучей жизни пробудившегося народа. Забастовка типографских рабочих взбудоражила нас; особенно радовали и волновали известия о многолюдных митингах, о народных собраниях на улицах и площадях, о столкновениях народа с полицией, всегда ненавистной, всегда презренной, отравляющей жизнь граждан насилиями и произволом, который так долго и так безропотно выносили. „Москва всколыхнулась, Москва воскресла“, — повторяли мы друг другу.

Все говорило о приближении грозного, великого исторического момента. Какими микроскопическими по своему значению казались нам, сравнительно с происходящими событиями, наши „дела“, за которые многие из нас сидели уже более года, наши „незаконные собрания“ из 7 человек, захваченные у нас документы о войне против войны, наши „тайные сообщества с целью ниспровержения“ и проч. Но одна мысль наполняла нас неизмеримой гордостью, вдохновляла нас, заставляла чувствовать связь между собой и огромной всколыхнувшейся массой борющегося народа: это было сознание того, что почти 15-летняя работа принесла, наконец, свой плод. Не даром, значит, были принесены в жертву свободе тысячи жизней, не даром были все муки застенков, все ужасы ссылки, жизнь беглецов-конспираторов, не имеющих приюта. Во мраке реакции выходили мы на жизненную дорогу — безнадежность и уныние царили кругом нас. Но в наших руках ярким пламенем горел факел, рассыпая кругом бесчисленные искры, налетал ветер и разносил эти искры, они пропадали у нас из глаз, исчезая во мраке, но не гасли, а разносились по всему родному краю, тлели в тиши, пока из них не вспыхнуло, наконец, яркое пламя. Лелеял, хранил и раздувал священный огонь этих искр именно тот общественный класс, к которому мы шли с нашим факелом, рабочий класс, пролетариат. Все страдания русской жизни, весь ее ужас лежал, главным образом, на его плечах. Более, чем кто-либо, он таил в себе ненависть к существующему порядку и, поднявшись на борьбу с ним, вынес на себе всю ее тяжесть, всегда шел впереди и теперь, наконец, близок к победе. Военно-полицейская диктатура с ее казнями, ссылкой, тюрьмой, каторгой, с ее расстрелами и разгромами оказалась бессильной задержать победное шествие революционного пролетариата.

Грандиозность событий повлияла, повидимому, даже на жандармов. Они стали освобождать по 2 и по 3 человека в день, новых привозили все меньше. Число политических со 102 быстро упало до 96. Однажды вечером уже после поверки „волчок“ в двери моей камеры открылся, и в него просунулась голова „дяди Коли“, как мы называли Н. Э. Баумана: „До свиданья. Освобожден“. Мы расцеловались, и я обещал на прощанье еще посчитаться с ним, когда буду на свободе. Мы с ним держались разных мнений на некоторые вопросы партийной жизни и постоянно препирались во время общих прогулок.

Но мне пришлось увидеть уже только его холодный труп, окровавленный, обезображенный гнусным ударом, быть может, наемного убийцы.

Это подлое убийство было как бы последним звеном в той цепи издевательств, которым подвергали Баумана жандармы и прокуратура. Он был арестован в июне 1904 года, и в феврале 1905 г. „дело“ перешло из жандармского управления в судебную палату. В июне некоторые из обвиняемых были освобождены под залог. Бауману было и в таком освобождении отказано. 27 августа был назначен суд, но, за неявкой свидетелей из числа

ГОД ПЕРВЫЙ.
№ 4

С.-ПЕТЕРБУРГ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 30 ОКТЯБРЯ (12 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

В первой половине ноября начнет выходить большая социал-демократическая газета

„НАЧАЛО“

(в двух изданиях)

при ближайшем участии: П. Б. Аксельрода, М. С. Балабанова, Б. Б. Веселовского, С. А. Волькенштейна, Д. М. Герценштейна, Ф. Дана, В. И. Засулич, Н. И. Иорданского, Кольцова, Л. М. Клейнборта, О. А. Когана, А. М. Коллонтай, А. Е. Лосицкого, В. Львова, Л. Мартова, Мартынова, П. П. Маслова, П. Нежданова, М. Панина, Парвуса, Г. В. Плеханова, Е. Смирнова, Старовера (А. Н. Потресова), С. Н. Салтыкова, Ст. Струмилина, Н. Троцкого, В. Ф. Тотомианца, А. Ю. Финна-Енотаевского, И. Чернышева, С. Юшкевича и др. Из иностранных писателей обещали свое содействие: В. Адлер, А. Бебель, К. Каутский, Роза Люксембург и Фр. Меринг.

Наша газета — орган революционного пролетариата. Пролетариат России своей самоотверженной борьбой открыл нам поле свободного слова — мы свое свободное слово несем на службу пролетариату России. Мы стоим на почве программы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Своею целью мы ставим вести вперед трудящиеся классы народа в революционной борьбе, не удовлетворяясь никакими уступками и пользуясь каждым приобретением, чтобы укрепить революционную армию и расширить революционные требования. Будить политическое сознание эксплоатируемых масс, установить между ними духовную связь и соединить с ними идейно всех честно чувствующих и смело думающих людей — вот наши средства борьбы.

Пролетариат России стал авангардом революционной социалистической армии всего мира. Являясь глашатаями российского пролетариата в его борьбе за свое освобождение, мы служим интересам угнетенных классов всего мира. Наша борьба находит отклик в их борьбе, а их борьба могучим откликом отзовется на наших революционных успехах. Да здравствует свободное слово!

Подписная цена с доставкой и пересылкой по России: на 1 год — 8 руб., на 1/2 года — 4 руб., 3 месяца — 2 руб., на месяц — 75 коп.

Временный адрес редакции: Каменноостровский пр., 13, кв. 17.

Издатель *С. Н. Салтыков.*

Редактор-издатель *Д. М. Герценштейн.*

С.-Петербург.

30-го октября.

По поводу событий в Кронштадте.

По имеющимся сведениям трудно еще восстановить детальную картину событий в Кронштадте. Но несомненно, что мы имеем здесь дело с смешением восстания и погрома. Восстали матросы и солдаты крепостной артиллерии. Громили и сожигали город хулиганы, к которым, вероятно, пристали бессознательные элементы из числа восставших. Сознательные же повстанцы не сумели предотвратить разгром путем сильной и определенной по своим целям организации „бунтующих“ масс.

До сих пор грабежи, убийства и насилия над мирными жителями-гражданами были „патриотической“ привиллегией черных сотен. Революционеры только сражались с реакционными сторонниками старого порядка или оборонялись от нападения его защитников — полиции, казаков, войск. Мало того, в последнее время кровавые оргии черносотенцев, действующих под прикрытием полицейской и военной силы, заставили революционный пролетариат взять на себя защиту жизни, имущества и свободы граждан, т. е. охранение настоящего, а не полицейского, порядка.

Так опровергла жизнь охотно распускаемые сторонниками старого полицейского самодержавного режима и столь пугавшие обывателей детские сказки о кровожадности революционеров, будто бы угрожающих имуществу и самой жизни мирных граждан. Если при народных волнениях, во время стачек и политических демонстраций и случались грабежи, пожары и убийства, то производились они всегда не революционными рабочими, а хулиганами и бессознательной частью толпы, большей частью по подстрекательству самой полиции. И усмиряли грабителей часто сами бунтующие рабочие.

Так было до сих пор и должно быть и впредь. Революционный народ должен твердо помнить социал-демократическое правило: борьба идет со строем, с порядками, с отдельными же лицами — лишь постольку, поскольку они защищают отживший вредный порядок. Дело революции, взятое на себя пролетариатом, — великое, святое дело освобождения всего народа, без различия классов, не исключая даже „черносотенцев“, творящих свои злодеяния не столько по злой воле, сколько по темноте и непониманию своих же интересов, чем пользуются подстрекатели из кучки насильников и эксплоататоров, желающих во что бы то ни стало сохранить выгодный им полицейско-само-

и низшие чины, страшно растерялись. Многие из них прятались в участках под кровать, под нары кордегардии и т. п.

Толпа же только разоружала полицию, но ни один из полицейских чинов не был избит. Высшие чины не доверяли мирным намерениям граждан, поэтому, сдав оружие, скрывались; низшие чины несколько скорей и проще осваивались с положением вещей и поэтому даже обращались к представителям партий, руководящим толпой, с просьбой принять их потом на службу для охраны города, высказывая предположение, что тогда им наверно и платить больше будут, и что вообще им тогда лучше будет житься.

Самое шествие толпы граждан имело грандиозный вид и все время совершалось в полнейшем порядке.

Так горожане ходили от участка к участку, увозя за собою экипажи, нагруженные шашками и револьверами.

Во дворе университетской клиники манифестантами был устроен митинг. На этот митинг явились исполняющий должность городского головы Грауэрт, прокурор окр. суда Калин вместе с приставом 6-ой части. Они попросили позволения беседовать с руководителями народного собрания, что им было разрешено. Г. Грауэрт заявил, что, так как полиция разоружена, то в виду этого охрану мирных жителей во время наступающей ночи должны взять на себя те представители партий, которые руководили движением. Последние на это дали свое согласие и тут же решили для такой цели вооружить отобранным у полиции оружием граждан, известных им лично. Таким образом, тут же быстро была сформирована первая часть гражданской милиции, разбита на десятки с более опытными и вполне надежными руководителями.

Г. Казин также подтвердил заявление г. Грауэрт и, кроме того, просил, чтобы вновь установленная милиция оказывала содействие представителям закона, если таковое потребуется. На это было тоже дано согласие, но только на те случаи, когда требования представителей закона не будут расходиться с интересами и желаниями народа. К митингу стекались все новые и новые толпы народа, и раздача оружия совершалась самым деятельным образом.

Когда раздача эта окончилась, вновь сформированная дружина стала впереди толпы и открыла грандиозное шествие ее к городской думе. В половине 8-го был открыт митинг в театре. Ораторы говорили как на общие, так и на частные темы. Все собрание признало необходимым для ограждения интересов и жизни народа разоружить полицию и войска, особенно казаков, и вооружить самих граждан. Митинг протекал в полном порядке и был даже сфотографирован одним фотографом.

На митинге было сообщено извещение губернатора, который для охраны города на эту ночь назначил патруль из солдат.

Но собрание отнеслось недоверчиво к этим действиям администрации и потребовало, чтобы эти патрули находились не под командой властей, а даны были в распоряжение милиции и ее руководителей, что и было исполнено губернатором.

К ночи новая милиция, насколько возможно, была сформирована, заняла посты по улицам и ходила вместе с солдатскими патрулями. В думе же гласные с руководителями милиции до поздней ночи занимались приобретением нового оружия из магазинов и вооружением новых рядов милиции.

Но дальнейшие события привели в Казани, как нам сообщают, к трагической развязке. На требование о разоружении полиции и удалении казаков губернатор дал письменно согласие на вооружение милиции и разоружение полиции, что же касается казаков, он ответил, что не в его власти вывести их из города.

21-го началась хулиганская манифестация. Она подошла к думе и потребовала выдачи всей милиции. Из думы был дан залп в воздух. Появились войска и начали обстреливать думу. Все сдались. Их провели черным ходом в тюрьму, всего 131 чел. Те, кто попал в руки хулиганов, были разорваны на клочки. Городом овладели хулиганы. Полиция вступила в свои права. В думе в шкафах были найдены трупы. 22-го началось снова хулиганское движение с национальными флагами и прочими атрибутами. К вечеру разразился еврейский погром. 23-го погром продолжался. На улицах не видно было ни одного интеллигентного человека. Толпа кричала: „Перережем, тогда успокоимся“. Хотели разнести тюрьму и больницу, где лежали „крамольники“. В городе царил сплошной ужас. Каждую минуту ожидали, что раз'яренная толпа начнет ходить убивать студентов по квартирам. Раненых узнать нет никакой возможности. Разгромлена синагога и масса магазинов.

Редактор-издатель *Н. М. Минский.*

Издательница *М. Ф. Андреева.*

ГОД ПЕРВЫЙ. № 5

С.-ПЕТЕРБУРГ. ВТОРНИК, 1 НОЯБРЯ (14 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

1 ноября в 8 час. вечера состоится в Соляном Городке экстренное собрание Совета Рабочих Депутатов по поводу кронштадтских событий.

Родители, братья и товарищи
извещают о смерти
ПАВЛА АВГУСТОВИЧА ГРОЖАНА,
последовавшей 27 сего октября в Москве.

С.-Петербург.

1-го ноября.

Восьмичасовой рабочий день и политическая борьба.

С понедельника, 31 октября, по постановлению Совета Петербургских Рабочих Депутатов на фабриках и заводах должен быть введен „революционным путем“ восьмичасовой рабочий день.

Это — факт, который должен быть отмечен в летописях не только русского, но и всемирного рабочего движения. Только организованный, только сознавший свою силу пролетариат в состоянии выставить и провести требование восьмичасового рабочего дня, осуществление которого имеет громадное значение для развития самосознания рабочих; для превращения их из белых рабов капитала, шесть дней в неделю работающих до потери сознания, а в седьмой вином заглушающих боль уставшего тела и вопль угнетенной души, в человека - гражданина.

В сущности говоря, дело идет сразу об исполнении двух требований — сокращения рабочего дня до восьми часов и повышения расценки до такого размера, чтобы не понизилась общая заработная плата рабочего. Непосредственный результат успеха рабочего класса в этой схватке с капиталом будет заключаться в усилении политического влияния пролетариата. Освободившееся от работы время он употребит на свое саморазвитие, на свою гражданскую жизнь. А в настоящий момент она сосредоточивается на политической и профессиональной организации рабочего класса и на его политической борьбе.

Но если введение восьмичасового рабочего дня дает могучий толчок классовому и политическому движению пролетариата, то и обратно: только победоносная политическая борьба рабочего класса, только современное революционное движение сделало возможным введение у нас восьмичасового рабочего дня.

Русский рабочий класс есть наиболее молодая часть армии международного пролетариата. До сих пор в условиях полицейско-самодержавного государства русский пролетариат не мог организоваться в такие сильные и стройные организации, как западно-европейский пролетариат. И если, тем не менее, он выступил в качестве авангарда борющегося за свободу русского народа, если он теперь вступает в героическую борьбу с капиталом за свои права на человеческую жизнь, то это об'ясняется революционностью русского рабочего класса, тем высоким под'емом духа, который развился в нем в период его борьбы со старым режимом.

Завоевания рабочего класса, достигнутые в революционное время, будут прочны только тогда, когда он организуется в сознательную и крепкую политическую партию пролетариата. А такой партией является только социал-демократия.

Вот почему мы призываем рабочий класс становиться под знамена социал-демократии, которая поведет его не только к завоеванию человеческой жизни при капиталистическом способе производства, но и к конечной победе — к социализму.

Кронштадтский суд.

Сегодня предстоит новый акт кронштадтской трагедии — военно-полевой суд...

Чудовищная пародия на правосудие, он прибавит, несомненно, еще несколько десятков, если не сотен, новых жертв к бесчисленным жертвам освободительной борьбы.

Мы знаем: много тяжелого, извращенного было в кронштадтской трагедии. Но кто ответственен за это? Истинные ли виновники этих „ужасов“ сегодня сядут на скамью подсудимых, а через несколько дней подставят, быть может, свои груди под ружейные дула?

Нет!

Лишенный всякого морального авторитета внушающий ужас и отвращение всем сколько-нибудь сознательным элементам народа и общества, старый режим десятки лет судорожно впивался своими когтями в армию, как в свой последний оплот. Он методически душил в армии живую

мысль. Он методически вытравлял из армии человеческое достоинство. Он методически превращал армию в тюрьму — в школу рабства и озверения.

Но порывы освободительной бури, обновляющей теперь Россию, прорвались в конце концов и сквозь толстые стены казармы и пробудили жажду свободы и счастья и в солдатских сердцах.

И мудрено ли, что эта жажда прорвалась у кронштадтцев в бурных и жестоких формах? Мудрено ли, что светлая благородная революционная борьба вылилась здесь в извращенных формах и привела к тяжелой и мрачной трагедии?

Кто сеет ветер, пожнет бурю.

И тяжкие жертвы, которых стоит — и будет стоить — эта буря, да падут по справедливости на тех, кто сеял ветер.

Революционный пролетариат поймет и оценит истинный смысл кронштадтских событий. Он впишет имена кронштадтцев рядом с именами черноморцев в бесконечный ряд искупительных жертв российского освобождения. И имена эти еще сильнее разожгут в его сердце святую ненависть к старому режиму и вдохнут в него свежие силы для новой борьбы, для новых ударов.

И он придет, великий час народной свободы и народного суда!

От редакции. Одной, если не самой важной, задачей социал-демократической партии в настоящий момент является реорганизация ее учреждений. Партия из конспиративной, подпольной должна стать открытой организацией пролетарских масс, сохранив в то же время всю выдержанность и чистоту своей программы и своей тактики. Понятно, что партийные работники очень много занимаются теперь организационным вопросом. В частности, в Петербурге вопрос этот осложняется существованием рядом с партийными учреждениями и под их непосредственным влиянием Совета Рабочих Депутатов, об'единяющего в своей среде представителей различных партий и до сих пор формально не вставшего под знамена социал-демократии.

Стремясь всеми силами служить делу об'единения и организации социал-демократической партии, редакция „Новой Жизни" открывает отдел статей по организационному вопросу и, в частности, по вопросу об открытом признании социал-демократической программы Петербургским Советом Рабочих Депутатов и подобными ему организациями других городов. Редакция просит поэтому товарищей высказываться на столбцах „Новой Жизни" о вышеуказанных вопросах, не стесняясь литературной формой и имея в виду, что различные оттенки мнений найдут у нас место.

Об организации.

II.

Совет Рабочих Депутатов или партия?

Вопрос о Совете Рабочих Депутатов тесно связан с вопросом об организации партии, и мы считаем необходимым, прежде чем перейти к плану организации, выяснить наше отношение к этому учреждению, сыгравшему весьма крупную роль в последней всеобщей стачке. Выяснение это особенно необходимо потому, что в широких слоях пролетариата часто Совет смешивают с партией и считают его безусловно социал-демократическим. Этому способствовал тот факт, что громадное большинство Совета Депутатов состоит из соц.-демократов, что партийные агитаторы и организаторы принимали очень деятельное участие в создании Совета, что партийные литераторы помогали изданию органа Совета, наконец, вся политика Совета была определенно социал-демократической. Без всяких преувеличений можно сказать, что если Совет так популярен в массах, то только потому, что на многочисленных митингах и агитационных собраниях социал-демократия поддерживала его авторитет, советовала рабочим считаться с советскими решениями и поддерживать выставляемые им лозунги.

Совет в своей политике идет за социал-демократией, это неоспоримо.

Но значит ли это, что Совет, как организация, ставящая себе политические задачи, может заменить партию, значит ли это, что он может взять на себя руководство классовой борьбой петербургского пролетариата?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к способу образования Совета. Совет Депутатов состоит из представителей, избранных в определенном количестве от рабочих фабрик и заводов и от профессиональных организаций. В выборах участвовали все рабочие без различия политических убеждений. Хотя и не всегда была произведена всеобщая подача голосов (благодаря техническим условиям) при выборах, но этот принцип является основным в организации Совета. Таким образом, Совет в себе об'единяет весь петербургский пролетариат, независимо от степени политической сознательности отдельных его слоев, независимо от партийных группировок отдельных его элементов.

В момент политической забастовки, когда весь пролетариат выступает, как класс, в борьбу за свои интересы, именно состав Совета обеспечивает ему успешную деятельность. Никакая стачечная комиссия, если она хочет успешно вести стачку, не может не включить в свой состав представителей всех забастовавших. Вообще, во все моменты, когда весь пролетариат выходит на активные действия, необходимо учреждение аппарата, способного руководить этими действиями. При широкой организации политических партий, боевое соглашение между представителями партий, работающими в пролетариате, выделение общего партийного аппарата, было бы наиболее целесообразным. Но у нас, благодаря полицейским условиям деятельности, наиболее влиятельная в рабочем классе, более сильная социал-демократическая партия, не могла создать такого организационного аппарата, который мог бы сплотить примыкающие к партиям массы. Благодаря такому состоянию организации социал-демократии (другие партии были в смысле организационном еще в более плачевном состоянии), появление рабочего Совета, как руководителя стачкой, было неизбежно. Оно было не только неизбежно, оно было и полезно, вот почему социал-демократия содействовала его созданию и популяризации.

Но может ли таким образом созданное учреждение быть политическим руководителем рабочих масс?

Ни в коем случае. Чтобы быть политическим руководителем, надо иметь ясно выраженную программу, точно

поставленные цели. Надо иметь стройную организацию из лиц, принявших эту программу, готовых бороться за эти цели. Если бы Совет Депутатов выбирался лицами, принявшими определенную программу, тогда он мог бы быть политическим руководителем; но тогда бы он был выборным партийным учреждением. А при теперешнем состоянии нашего рабочего движения, нельзя еще ожидать, что все наши пролетарии могут принять одну программу. Рабочие могут подхватить одни и те же боевые лозунги, могут выступать под одним и тем же флагом, на котором написаны те или иные требования, — но это далеко еще не значит, что весь пролетариат принял одну программу. Мы, конечно, убеждены, что пролетариат в своей массе стихийно социал-демократичен. Но это вовсе не значит, что мы хоть на минуту самообольщены возможностью завтра же всему пролетариату стать сознательными социал-демократами. Для этого нужна долгая пропагандистская и организационная работа, нужны об'ективные условия социально-политического развития. Если Совет Депутатов по своей конструкции политическим руководителем не является, то заменить партии он ни в коем случае не может. Он может только руководить определенным выступлением пролетариата, стать во главе определенных активных массовых действий. Ставить конкретные задачи, могущие об'единить весь пролетариат, он может, руководить же классовой политикой — не его задача. Всеобщую политическую забастовку он провел блестяще, ликвидацию стачки он сейчас ведет успешно, о дальнейших его конкретных задачах коснемся в другом месте. Здесь мы хотели коснуться только вопроса, может ли Совет заменить партию или взять на себя руководство политической борьбой пролетариата, и ответили на него отрицательно. Значит ли это, что Совет, ставя себе определенные конкретные политические задачи (вроде руководства всеобщей забастовкой), не должен совсем выяснить своей политической физиономии? Совершенно нет. Пролетариат должен определенно знать, под каким знаменем идет его выборное учреждение, лозунги и директивы какой партии он в своих определенных практических действиях будет проводить в жизнь. В политической борьбе играть в темную не в интересах пролетариата. Определенное заявление со стороны Совета, руководство какой политической партии признает он, к какой политической программе он примыкает, — необходимо. Вопрос этот уже поднят не только Российской Социал-Дем. Раб. Партией, но поднят во всех районах самими рабочими. Не надо быть пророком, чтобы предугадать, каково будет решение. Совет во всей своей деятельности вел социал-демократическую политику, его лозунги были лозунги социал-демократии, — теперь только придется это фактическое господство социал-демократического влияния закрепить в определенно-формулированном решении Совета Депутатов. Первая и ближайшая обязанность Совета поставить этот вопрос перед всеми своими избирателями и самому не откладывать решения его в долгий ящик. Выводы ясны: заменить партию Совет не может. Он может только организовать активные действия, но, чтобы не играть в темную, он обязан выяснить свою политическую физиономию. Это очередная задача Совета Рабочих Депутатов.

Б. Радин.

О внеклассовой лжи и классовой истине.

В известной пьесе Островского „Лес" изображается некий приятный помещик, который, сидя возле столь же приятной помещицы, в течение всей пьесы повторяет, закатывая глаза в потолок, одни и те же слова:

— „Раиса Павловна, все высокое и все прекрасное!.." — тут он неизменно захлебывается от восторга и избытка чувств и умолкает.

Я всегда вспоминаю этого сытого, круглого помещика, когда читаю либеральные газеты. В них неустанно и лишь с небольшими вариациями повторяется та же самая неопределенная, но многообещающая фраза о „всем высоком и прекрасном". Либеральный буржуа, конечно, никогда не оскверняет своего возвышенного ума низкими мыслями о грубых и низменных классовых интересах, его стремления вечно направлены ко „всему высокому и прекрасному", и он с негодованием говорит о невоспитанных социал-демократах, которые нарушают мировую гармонию бесцеремонным, резким призывом к классовой борьбе.

— „Раиса Павловна, все высокое и все прекрасное!.. Свобода, равенство и братство — это так красиво и так симпатично!" — и помещики российского либерализма изо всех сил потрясают тюлевым флагом, на котором написаны красивые слова. Они призывают в с е (!) классы идиллически об'единиться под этим одним флагом, забывши временные раздоры ради осуществления „внеевременных" задач.

Много раз уже повторялась в истории старухи Европы эта противная комедия, и, обыкновенно, она имела успех. Одураченные пролетарии устремлялись под тюлевый флаг, содействовали либеральной буржуазии в достижении „внеклассовых" целей, а потом в недоумении протирали глаза и спрашивали себя: куда же девалось „все высокое и все прекрасное", к чему приглашали нас ловкие ходатаи по делам либерализма? Где та свобода, которая была написана на тюлевом флаге, и неужели под ней подразумевалась свобода ... дохнуть с голода? Где пресловутое равенство, — не в том ли, что все пролетарии равны перед гнетом капитала? Где нежное братство, — не в бессовестной ли эксплоатации человека человеком?

Так повторялось, сказал я, не раз в истории Европы, и надо думать, что опыт прошлого не прошел даром. Пролетарий больше не верит внеклассовым лозунгам либералов. Этим лозунгам, сладким и приятным, „как летом вкусный лимонад", этой внеклассовой лжи он противопоставляет решительно и определенно свою классовую правду, ту большую суровую правду, которая слащавых буржуа приводит в священный ужас и негодование, а сынов пролетариата воодушевляет грозным порывом, великим стремлением и железным упорством.

Сознательные пролетарии, идущие под знаменем социал-демократии, уже не поддаются на уловки либеральных буржуа, но честно и откровенно говорят им во всеуслышание:

— „Мы не верим больше вашим изжеванным словам о внеклассовых целях и задачах. Мы по опыту знаем, мы на собственной шкуре убедились, как противоположны ваши и наши интересы. Мы допускаем, что в настоящий момент у нас и у вас один общий враг —

ГОД ПЕРВЫЙ. С.-ПЕТЕРБУРГ.
№ 6 СРЕДА, 2 НОЯБРЯ (15 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

Комиссия по амнистии, избранная Союзом союзов и Обществом помощи политическим ссыльным и заключенным, считает долгом своим обратить внимание русского общества на безвыходно-тяжелое положение наших политических эмигрантов. Разбросанные по разным городам Западной Европы и Америки, многие без знания языков, они были лишены возможности выдерживать конкуренцию местных обывателей, почему в подавляющем большинстве случаев и раньше испытывали крайнюю нужду. Теперь положение их ухудшилось: распались многие организации, где они имели кое-какой заработок, закрылись некоторые учреждения. Поспешили вернуться на родину, пользуясь указом об амнистии, те из товарищей, которые имели на это средства. Легко понять отчаяние оставшихся на чужбине с сознанием, что отсутствие каких-либо средств обрекает их на долгое пребывание вне родины, и только оно воспрепятствует вернуться к близким, к родным, к своему народу. Их сотни. Помощь нужна значительная и безотлагательная. Деньги принимаются в комиссии по адресу: Спб., Сергиевская ул., д. 13. Помещение совета присяжных поверенных.

Вследствие непредвиденного тиража и в виду отсутствия запасов соответствующего качества бумаги в Петербурге, газету приходится временно печатать на менее плотной бумаге, в чем контора „Новой Жизни“ извиняется перед подписчиками.

С.-Петербург.

2-го ноября.

Россия и Польша.

Делу освобождения России грозит новая опасность. Вся Польша об'явлена на военном положении, и эту свирепую меру правительство оправдывает тем, что поляки якобы стремятся к отделению от России.

Это, прежде всего, фактически неверно. С самого начала русско-японской войны в Польше усилилось революционное движение, как и во всей, впрочем, России. Вопрос об организации народного восстания для восстановления самостоятельной Польской республики был тогда поднят и решен отрицательно всеми польскими партиями, не исключая и националистской Польской Социалистической Партии (Polska Partja Socialistyczna), в программе которой есть требование независимости Польши. С тех пор отношение к этому вопросу не изменилось.

Ни одна польская партия не ставит теперь своей ближайшей задачей отделение Польши от России. Поляки добиваются только автономии, т. е. права иметь свой сейм, издающий местные законы и ведающий местные дела, свой суд, свои школы и, конечно, право иметь свой язык. При этом, разумеется, поляки не отказываются ни от участия во всероссийском парламенте ни от подчинения всероссийской конституции.

Политическая забастовка, которую польский пролетариат выдерживает уже три недели, и те народные демонстрации, на которые указывает правительственное сообщение о введении военного положения в Польше, служат средством добиться именно автономии. Движение носит, по существу, мирный характер. И если бывают столкновения демонстрантов с полицией и войсками, и проливается кровь, то нападающей стороной являются именно полиция и войска, а не революционеры. Признаков вооруженного восстания с целью отделиться от России до сих пор в Польше не было.

Ясно, что от автономии, которой требует польский народ, до государственной независимости Польши — „дистанция огромного размера“. И правительство понимает это, конечно, не хуже нас. В чем же, в таком случае, дело? Зачем понадобилось обрушить гнет и ужасы военного положения на целый культурный край?

В самом правительственном сообщении есть намек, указывающий, где надо искать ответ на поставленный выше вопрос. Вспоминаются шестидесятые годы. Польское восстание 1863 г. послужило могильным камнем для освободительного движения тогда еще юношески-неопытного в политике русского народа. Поднялась волна „патриотизма“, вынесла на поверхность политической жизни Каткова с его „Московскими Ведомостями“ и захлестнула немногочисленных еще тогда борцов за свободу. Началась реакция, упорная и кровопролитная борьба с которой продолжалась до наших дней.

Уже не хочет ли правительство повторить „урок истории“? Не даром наша нейтральная пресса и наши „патриоты“ всех оттенков, начиная с „гражданина“ Мещерского и кончая членами „партии правового порядка“

исходе. Появление идеи (хотя и изуродованной применительно к ее носителям) Временного Правительства в политическом кругозоре непролетарских и ненародных партий только обостряет вопрос о его действительном характере. Здесь мы только мельком можем остановиться на характере и задачах Временного Правительства Витте, Струве. Выдвинутое, как попытка реально использовать созданную пролетарской борьбой и кровью дезорганизацию самодержавной монархии, чисто буржуазное Временное Правительство есть вместе с тем попытка обеспечения „порядка“ в рамках узко-классовой конституции. Взятое же со всеми своими аттрибутами — городской милицией и пр., оно явно представляет буржуазную форму контр-революции, которая при своем осуществлении сменит явно-опасную для буржуазии полицейски-погромную ее форму.

В самом деле — каковы задачи этого правительства, как они намечены „Русью“: 1) подавление анархии, 2) осуществление Государственной Думы. Дело ясно: буржуазия находит, что борьба народа с существующим режимом дошла до предела, переход за который грозит осуществить действительное народовластие, и потому стремится фиксировать ее на данной точке. Подавление революционного движения средствами более европейскими, чем разгул черных сотен, хотя и не исключающими расстрела рабочих, и введение куцой конституции — порядок и собственность — иной и не может быть программа того Временного Правительства, которое получает жизнь не от „улицы“, а от согласия торгующегося г. Витте. Молчание „улицы“ при образовании такого Временного Правительства значило бы, что российский пролетариат сыграл еще раз в мировой истории, роль илота буржуазного строительства, роль пушечного мяса, роль политического Иванушки-Дурачка, достающего каштаны из огня для враждебной ему силы.

Но поздно! Революционный социал-демократический пролетариат пойдет во главе „улицы“, чтобы свергнуть Временное Правительство либеральных помещиков и фабрикантов. Он будет поддерживать только такое Временное Правительство, которое, созданное на площадях и улицах городов и деревень, поведет его к полному народовластию и созовет не Государственную Думу, а Всероссийское Учредительное Собрание, и под контролем „улицы“, а не охраняемое от улицы „национальной гвардией“ буржуазии.

Гарантировать отвоеванное путем отнятия власти у правительства Витте — это задумано недурно и во всяком случае умнее, чем попытки просветить Витте насчет истинного конституционализма, но задумано без хозяина. Решительность русского либерализма созревает всегда слишком поздно и потому всегда отдает гнилостным запахом. Дальнейшее развитие освободительного движения сделает такое Временное Правительство, этот опыт буржуазно-либерального торможения революции, таким же несвоевременным, каким оно сделало опыт бюрократически-полицейскую, блаженной памяти Булыгинскую Думу. Дело будет сделано, но „mit ein bischen andern Worten.

Юр. Каменев.

Маска сброшена.

Правительство Витте наконец-то заговорило. Заговорило оно не туманными фразами о народной пользе, о будущих свободах, о благе родины, а определенными, не поддающимися никаким кривотолкованиям, действиями. Давно пора. В чем же заключаются эти действия, каково первое „открытое выступление“ первого „конституционного“ министерства?

Оно старо, как стары вообще все приемы нашей бюрократии! „Для восстановления порядка весь Привислинский край временно об'является на военном положении“ — скромно говорит правительственное сообщение. Еще не высохли чернила, которыми подписывались акты о гражданской свободе, о конституционных гарантиях, как десятимиллионное население отдается во власть военных властей, не раз показавших свои доблести на площадях и улицах всех городов России.

„Конституционное“ министерство Витте оказалось решительнее, чем „самодержавное“ министерство Трепова. Трепов об'являл на военном положении только отдельные города и губернии, а „либерал“ Витте, призванный к проведению в жизнь царских свобод, без всякого стеснения целых десять губерний за-раз ставит вне даже русских законов, в полное хозяйничание доблестных генералов.

Для революционного пролетариата все это не новость! Пролетариат всегда хорошо знал цену правительственным обещаниям! Он никогда не сомневался в качестве „даруемых“ реформ! Не раз уже „либеральные“ реформы аккомпанировались ружейными залпами, свистом нагаек, воплями избиваемых и истязуемых граждан. Не первый раз правительство дает доказательство своей „искренности“ и „доброжелательности“! Пусть примут во внимание это новое доказательство „доверия“ к обществу со стороны царских чиновников доверчивые либералы, так часто топчущие с ходатайствами пороги министров.

Революционный пролетариат никогда не сомневался, что „даруемые“ свободы есть новая попытка отвести освободительную борьбу народа от единственного верного — революционного пути — к осуществлению полного народовластия!

Революционный пролетариат всегда предупреждал легковерных граждан от увлечения крохотными завоеваниями, которые никогда не могут быть прочными до полной победы народа, до полного перехода власти к народу!

России обещали право участия граждан в издании законов, обещали прочный правопорядок, а на деле 10 губерний об'явлены вне закона, отданы в полное распоряжение военного диктатора.

Еще вчера России обещали свободу союзов и собраний, а сегодня граждане десяти губерний лишены не только права собираться, но и права передвижения по улицам городов без разрешения военных властей.

России торжественно обещали неприкосновенность личности — на деле это воплотилось в свободное разгуливание казацкой плети по спинам граждан, в полное господство военных судов, вешающих граждан в 24 часа, в провокаторские убийства переодетыми чинами полиции нежелательных правительству лиц и т. д. и т. д.

Таковы обещанные реформы! Таково первое выступление нового „конституционного“ министерства!

Маска сброшена!

Для нас ее и не было. Мы всегда указывали, что только полное народовластие может установить действительный правовой порядок, действительную свободу. Только вооруженный, победоносный народ может поддержать эту свободу от всяких реакционных поползновений!

Революционный пролетариат, идущий под знаменем социал-демократии, всегда это говорил и всегда звал в свои ряды всех истинных друзей свободы, всех не боящихся народовластия, для решительной борьбы с уже разлагающимся режимом.

Кто еще сомневался в выборе между Витте и революционным народом, теперь уже сомневаться не может! Действительную свободу установить может только народ, во главе с наиболее революционным классом — пролетариатом.

Сомкнитесь же, друзья свободы, под его знаменем!

Б. Радин.

Об организации.

К вопросу о Совете Рабочих Депутатов.

В партийных организациях в течение последней недели горячо дебатируется вопрос о Совете Рабочих Депутатов. Пока продолжалась всеобщая стачка, Совет играл роль стачечного комитета и положение его было вполне ясным. Но теперь, по окончании стачки, возникает ряд вопросов: должен ли С. Р. Д. продолжать существовать или он должен об'явить себя распущенным? Если он не считает последнее целесообразным, то какова должна быть его дальнейшая роль: должен ли он быть организацией профессиональной или политической, и если политической, то должен ли он определить свое отношение к политической организации рабочего класса, к Р. С.-Д. Р. П., должен ли он стать под знамя нашей партии? Мне кажется, что вопрос о том, продолжать ли С. Р. Д. существовать или об'явить себя распущенным, может быть решен лишь после выяснения вопроса о тех задачах, которые может ставить себе Совет Депутатов, лишь после выяснения вопроса, политическая ли или профессиональная организация С. Р. Д.

Желательно ли с точки зрения интересов рабочего класса, с точки зрения Р. С.-Д. Р. П., чтобы С. Р. Д. был политической организацией? Если С. Р. Д. признает себя политической организацией, то пред ним станет вопрос: социал-демократическая ли он организация и должен ли он стать под знамя Р. С.-Д. Р. П. или нет? Если вопрос будет решен отрицательно, то социал-демократы, которых в Совете довольно много,—пожалуй, даже с примыкающим к социал-демократии—большинство,—должны будут выйти из Совета, так как С. Р. Д. становится тогда новой—не социал-демократической, рабочей партией, а у социал-демократии уже есть своя партия, которую они считают и не могут не считать единственной истинной выразительницей интересов рабочего класса. Но если социал-демократы выйдут из С. Р. Д., то он перестанет существовать как Совет Депутатов всех рабочих Петербурга, так как значительная часть пролетариата, и притом наиболее сознательная часть, не будет в нем участвовать.

Но если при обсуждении вопроса о том, представляет ли С. Р. Д. социал-демократическую организацию или нет, вопрос этот будет решен в положительном смысле, Сов. Раб. Деп. должен об'явить себя распущенным, так как дальнейшее существование его станет излишним: социал-демократическая организация рабочего класса уже существует—это Р. С.-Д. Р. П.

Некоторые товарищи полагают, что желательно было бы, чтобы С. Р. Д. продолжал временно существовать как социал-демократическая организация, до реорганизации нашей партии, которая открыла бы широкий доступ рабочим массам в свои учреждения. До сих пор, благодаря условиям конспиративной работы, партийные организации были по необходимости очень узки, теперь большинство товарищей рассчитывают, что есть возможность значительного расширения рамок партии, и, пока эта задача не будет выполнена, С. Р. Д. будет заменять, по мысли некоторых товарищей, широкую партийную организацию. Словом, С. Р. Д. должен существовать, по мнению этих товарищей, параллельно с существованием организации Петербургского Комитета и Петербургской Группы Партии. При таком сосуществовании С. Р. Д., как организация выборная, связанная с широкими массами рабочих, необходимо отодвинет на задний план существовавшую до сих пор организацию Петербургского Комитета. Желательно ли это? Мне кажется, что на этот вопрос С. Р. Д. может дать лишь один ответ: безусловно нежелательна организация, не проникшаяся социал-демократическим сознанием. Если существующая уже социал-демократическая организация будет отодвинута назад социал-демократическим „Советом Рабочих Деп.", то это приведет лишь к понижению темпа социал-демократической борьбы и „принижению сознательности пред стихийностью".

Итак, С. Р. Д. как политическая не социал-демократическая организация существовать не должен, и социал-демократы должны выйти из него, так как его существование может вредно отразиться на развитии социал-демократического движения.

Совет Рабочих Деп. может существовать как профессиональная политическая организация или не должен существовать вовсе. Как профессиональная организация Совет может иметь большое значение, сплачивая в одну организацию всех рабочих пролетариата, ведя агитацию за организацию на заводах профессиональных боевых касс и во время стачки являясь стачечным комитетом. Как профессиональная неполитическая организация С. Р. Д. может сыграть крупную роль в смысле сплочения петербургского пролетариата.

С этой точки зрения голосование в С. Р. Д. по данному вопросу должно вестись таким образом:

1) Желательно ли сохранение С. Р. Д. в рамках профессиональности и развитие его в петербургский профессиональный центр? С точки зрения, изложенной в этой заметке, следует ответить: да. Если собрание постановляет, однако, что С. Р. Д.—организация политическая, то встает второй вопрос:

2) Должен ли С. Р. Д. быть организацией социал-демократической? Ответ: да. И, наконец, последний вопрос:

3) Если С. Р. Д.—социал-демократическая организация, желательно ли немедленное распущение его или допустимо самостоятельное его существование до реорганизации нашей партии? Ответ: желательно скорейшее его распущение.

На эту точку зрения стала коллегия агитаторов и пропагандистов Петербургского района (Петербургской стороны).

Н. Менделеев.

От редакции. Редакция не вполне согласна с постановкой и разрешением вопроса о С. Р. Д. товарищами из Петербургского района. Тем не менее, она дает место этой статье, повторяя свое приглашение товарищам высказываться по поставленному организационному вопросу.

Русская печать.

* * Все множатся и множатся признаки, что силы, напирающие на правительство, начинают размещаться по-новому, отклоняя курс вправо.

При приеме депутации от всех слоев польского общества граф С. Ю. Витте, между прочим, как передают „Нашей Жизни", сказал: „Напрасно вы думаете, что правительство бессильно, боится мятежа и думает уступить; для Польши предположено военное положение, что же касается России, то здесь ясно сказалась полная неподготовленность к провозглашенным реформам. Общество, русское общество, совсем не желает никаких свобод; мы ясно теперь видим, что это желание кучки революционеров. Теперь наступила в России весна, правда, более широкая, чем при кн. Святополк-Мирском, но помните, что ее может сменить реакция, и тогда уже нельзя ни за что поручиться". Принимая депутацию варшавских юристов, граф Витте сказал им: „Вот, вы просите немедленной отмены исключительных законов, а фабриканты ваши требуют настойчиво введения военного положения". „Назовите нам фамилию хоть одного из этих фабрикантов",—сказал один из депутатов. „Этого сделать я не желаю",—был ответ графа С. Ю. Витте. На этом прием депутации был закончен.

Неподготовленность России к реформам сказалась в зверских погромах, устроенных полицией для того, чтобы не дать привиться свободам. Цель черных сотен достигнута. Граф Витте, еще вчера говоривший про главный тормоз реформ — невоспитанность и развращенность администрации,—внезапно изменил свои взгляды и во всем винит русское общество. Реакция, конечно, возможна. Об этом говорит уже то, что фабриканты, по словам Витте, „требуют военного положения".

Буржуазия по-старому близорука и по-старому готова к предательствам. Но уже так ли велика ее сила, и надолго ли измена ее задержит исторический ход?

* * Что-то происходит за сценой, за кулисами придворных влияний. Реакция, на время притихшая, все больше возвышает голос. Декорация гражданской свободы отодвигается все дальше и дальше. Меры относительно Польши дают картину того, что ждет и нас, быть может, уже в ближайшие дни.

Все это так непонятно, так неожиданно после опубликования конституции,—говорят „Новости",—что невольно закрадывается сомнение, не сделано ли это последнее распоряжение под предательским внушением какой-нибудь враждебной новому правительству партии, скрывающейся пока за кулисами. И кто знает, не замешаны ли во всем этом печальном деле те таинственные семь немецких миноносцев, которые белою цепью протянулись от Петергофа до Мемеля и чрез верхушки мачт своих беспроволочно связали Петербург с Берлином?

Газета, впрочем, продолжает надеяться.

Еще можно возвратиться на путь законности и полного примирения с „мятежным польским народом". Для этого нужно дать Царству Польскому такую же автономию, какая дана Финляндии. К такому же решению почти единогласно пришел последний Московский съезд земских и городских деятелей. Следовательно, такое решение не расходится и с пожеланиями умеренно-настроенных русских людей, к которым граф Витте так настойчиво обращается за поддержкой и лидерам которых он неоднократно предлагал министерские портфели.

Впечатления.

VI.

Стремление правительства и присных его успокоить общество вполне понятно, но успокаивает только истина, какова бы она ни была. Правительство в своем безвыходном положении хочет привлечь общество на помощь себе?

Пусть оно говорит мужественным языком человека, искренно желающего блага своей стране, и не старается прятать гнусную правду событий, вызванных и организованных его агентами.

Необходимо честно сознаться в том, что именно анархистская деятельность губернаторов, полиции, духовенства и провокаторской прессы, живущей на содержании правительства, именно эта деятельность—единственная и главная причина тех поражающих явлений, которые происходили в эти дни на всем пространстве России.

Опираться в свое оправдание на „своеволие темных масс"—по меньшей мере не остроумно. Ведь само же правительство усердно заботилось о том, чтоб массы народа не озаряла мысль.

Издавая акт 17-го октября, оно не подумало о необходимости одновременно по всей стране истолковать этот акт простыми ясными словами, доступными пониманию масс, оно не внушало своим агентам в провинции определенного отношения к этому акту, и даже в столице, на его глазах, полиция уверенно заклеивала царский манифест приказами Трепова. Оно не сочло нужным предупредить провокаторов прессы о степени серьезности своих намерений, и эти раболепные, гнусные, извращенные холопы дружно завыли и залаяли о падении власти царя, о победе „жидов, студентов, интеллигенции".

Травля прогрессивных элементов страны в таких органах, как „День", „Московск. Ведом." и другие рептилии,—это факт.

Распространение прокламаций, призывающих к истреблению интеллигенции,—это факт, и администрации не могли не быть известны источники, откуда изливалась эта злая, ядовитая грязь. Нельзя же допустить, чтоб охранное отделение, всегда хорошо осведомленное своими шпионами о том, кто, где и что печатает, не знало, кем печатаются прокламации союза русских людей и прочих анархистских групп. Оно, конечно, знало это — и оно не мешало этому. Призывы к убийствам с амвонов церквей это факт.

Участие губернаторов в погромах и убийствах—факты, подтвержденные смещением наиболее яростных патриотов из их среды...

Если правительство этого не сделает, то нужно будет признать, как ни страшно даже выговорить это слово, что оно идет к реакции, и что вчерашнее правительственное сообщение — первый и решительный шаг к ней.

Граф Витте говорил с либералами, когда реакция была обессилена. Теперь же и „умеренные“ проекты не послужат темой для разговоров. Для более склонных к реакции правительство между собою и либералами возводит такой барьер.

*** Двойная бухгалтерия откровенности. У правительства две меры для истины: одна — для заграничных банкиров, другая — для домашнего обихода. Загранице заявили открыто, что погромы не обошлись без администрации, а для России это участие стоит еще под знаком вопроса. „Сын Отеч.“ сопоставляет две истины:

Еще удивительнее отрицание правительством „прямоты и искренности“ в последнем его сообщении того, о чем кричит вся Россия, и в чем само правительство сознавалось несколькими днями раньше перед иностранцами, — это участие властей в погромах последних дней. „Нельзя отрицать, что во многих местах такому проявлению (т. е. погромам) покровительствовали агенты местной власти. Нынешнее правительство далеко от того, чтоб игнорировать или скрывать эти факты“... перед общественным мнением Запада, но России „правительство категорически об'являет, что со стороны центральных учреждений все распоряжения клонились лишь к одной цели — поддержанию спокойствия и порядка“, что в тех случаях, когда представлены будут достоверные сведения об организации или поощрении полицейскими чинами насилий над личностью или имуществом, „допуская, что они подтвердятся“, — назначены будут „тщательные расследования“ и будут приняты „всевозможные меры к устранению повторения погромов.

Таким образом, то, что пред Европой правительство не решалось отрицать, что оно признавало за факты, которые не могло ни игнорировать, ни скрыть больше, — то перед Россией еще требует проверки и доказательств.

И когда народное негодование требует немедленного удаления маленьких и больших сатрапов, испачкавших свои руки в народной крови, правительство „прямоты и искренности“ отвечает военным положением!

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Владивосток (от собств. корр.). — 26 октября во Владивостоке состоялся первый народный митинг в цирке. Присутствовало более 3.000 человек. Порядок замечательный. Полиция отсутствовала. Офицеры, врачи и рабочие в талантливых речах раз'яснили значение завоеванной свободы, прославляли борцов. Принята резолюция об образовании комитета защиты прав гражданина. Устроена грандиозная овация полковнику Постникову, требовавшему в соборе отслужить панихиду борцам за свободу. Митинг требовал громовыми кликами удаления городского головы, пославшего от имени населения рабским языком написанную телеграмму. Митинг почтил вечной памятью погибших борцов и славой живых. Бурная овация была устроена бывшим шлиссельбургским заключенным. 27-го городской голова подал в отставку. Союз врачей Уссурийского края избрал из своей среды комитет защиты прав гражданина и общественной безопасности, выразил негодование крепостному врачебному инспектору генералу Езерскому за разжигание национальной вражды между врачами.

Борис Оржих.

Мест. Байрамчи Бессарабской губернии, Аккерманского уезда (случайная). — 31 октября здесь произошел еврейский погром, все еврейские дома сгорели, пострадавших — масса, помощь нужна немедленная.

Ромны, 31 октября (СПА). — Роменское городское управление, одобрив проект охраны порядка в городе с участием обывателей, приглашает домовладельцев и торговцев заявить о желании участвовать в охране. Полицейские и военные власти из'явили готовность оказывать содействие с своей стороны чинам охраны.

Открыто бюро юридической помощи населению, пострадавшему от разгромов.

Москва, 1 ноября (СПА). — Сегодня по Ильинскому шоссе забастовал ряд фабрик и заводов. В этот район командированы войска.

Ломжа, 31 октября (СПА). — Сегодня в городе и в уездах расклеены об'явления губернатора о введении военного положения.

Все эти факты не надо забывать, сочиняя „правительственные сообщения“, и не нужно говорить о „внезапности беспорядков“, которые открыто подготовлялись.

Довольно лжи и обмана!

И нужно говорить не о людях, „утомленных отсутствием порядка и безопасности“ — кто эти люди, что их образ действий окончательно уничтожает престиж власти в глазах „общества“? А в области явлений, „патриотизму“ противоположных, правительству делать нечего — здесь уже верно оценили его значение и силу, здесь не нуждаются в узде, здесь не зверье, а люди, они руководятся не шпионами и полицией, а сознанием своего достоинства.

Что может сказать правительство о поведении стотысячной толпы пролетариата на похоронах Н. Э. Баумана? Что оно может сказать о шествии тысяч сормовских рабочих по улицам Н.-Новгорода?

Пролетариат имеет право гордиться той внутренней стройностью, которая царит в его рядах, и правительство должно с уважением отнестись к этому факту.

„Уважение к жизни и личным правам“ — это социальное качество не воспитывалось в русском народе и обществе, ибо было „противно видам правительства“, и оно само в себе не имеет этого качества. Пролетариат воспитал в себе это уважение, несмотря на весь гнет правительства. „Уважения“ к собственности, созданной кровью и потом народа и захваченной мещанами, пролетариат, разумеется, не может иметь. Собственность — идол буржуазии, но сознательный пролетариат не нарушает прав частной собственности, и кто говорит противное, тот клевещет.

Грабят и убивают „черные сотни“ — они же „патриоты“, вдохновляет и помогает им в этом полиция — факт, точно установленный даже генерелом Томичем.

Довольно лжи и лицемерия! Этим никого не успокоишь.

Не их силой, не их трудом живет страна, это — крысы на корабле государства. Им никогда и ничего не нужно, кроме порядка, который охранял бы их собственность, и той безопасности, которая позволяет им жить чужим трудом. Что они могут дать стране теперь, когда нужны честные и умные работники-борцы? Эти люди кончили свой цикл жизни, они пресытились, выродились и духовно мертвы. И если их обеспокоили мирные демонстрации